

РОЗАМУНДА
ПИЛЧЕР

КОНЕЦ ЛЕТА
ПУСТОЙ ДОМ
СНЕГ В АПРЕЛЕ

От автора романа «Собиратели ракушек»,
включенного в топ-50 лучших книг
по версии ВВС

АЗБУКА

The Big Book

Розамунда Пилчер

**Конец лета. Пустой
дом. Снег в апреле**

«Азбука-Аттикус»

1971, 1972, 1973

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Пилчер Р.

Конец лета. Пустой дом. Снег в апреле / Р. Пилчер — «Азбука-Аттикус», 1971, 1972, 1973 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-21545-0

Книги Розамунды Пилчер (1924–2019) знают и любят во всем мире. Ее романы незамысловаты и неторопливы, зато в них много подлинного тепла и сердечности. Кредо писательницы можно охарактеризовать фразой: «У хороших людей всегда все будет хорошо» – и в данном случае это залог устойчивого читательского успеха. Джейн, героиня романа «Конец лета», приезжает в шотландское родовое имение в надежде повидаться с кузеном, в которого с детства влюблена. Что подарит ей эта встреча, помимо семейных «скелетов в шкафу»?.. Овдовевшая Вирджиния отправляется на ветреное побережье Корнуолла, чтобы поразмышлять о своем не слишком счастливом прошлом и понять, как жить дальше («Пустой дом»). И наконец стать хозяйкой собственной судьбы, сделав важный выбор. Весенняя погода переменчива, особенно в Шотландии, – то солнце, а то вдруг метель («Снег в апреле»). Кэролайн вынуждена сделать остановку в пути из-за снегопада и постучаться в двери чужого дома. Ее свадьба назначена на следующий вторник, но коварный апрель, похоже, распорядился по-своему... Роман представлен в новом переводе.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21545-0

© Пилчер Р., 1971, 1972, 1973
© Азбука-Аттикус, 1971, 1972, 1973

Содержание

Конец лета	7
1	7
2	13
3	21
4	31
5	37
6	47
7	53
8	61
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Розамунда Пилчер
Конец лета. Пустой дом. Снег в апреле
Романы

THE END OF SUMMER Copyright © 1971 by Rosamunde Pilcher

THE EMPTY HOUSE Copyright © 1973 by Rosamunde Pilcher

SNOW IN APRIL Copyright © 1972 by Rosamunde Pilcher

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

All rights reserved

© А. И. Маркелова, перевод, 2012

© И. Д. Голыбина, перевод, 2012

© В. Г. Яковлева, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Конец лета

Посвящается Ди и Джону

1

Лето было пасмурным. Теплое солнце окутывал туман, все время тянувшийся с Тихого океана. Но к сентябрю, что нередко случается в Калифорнии, облака отступили далеко от побережья, в океан, где и растянулись на линии горизонта как длинный, зловещий кровоподтек.

На суше, за береговой линией, тлели под знойными лучами солнца фермерские угодья, изобилующие перезрелыми фруктами, кукурузой, артишоками и оранжевыми тыквами. Крошечные деревянные поселки дремали на жаре, серые и пыльные, как засушенные насекомые; плодородные равнины простирались к востоку до предгорий Сьерра-Невады, и все это подобно стреле с севера, где находился Сан-Франциско, и на юг, где был Лос-Анджелес, пронзала гигантская автомагистраль Камино-Реал, запруженная миллионами сверкающих раскаленной сталью машин.

Все летние месяцы пляж пустовал, так как Риф-Пойнт расположен довольно далеко от проходящего вдоль побережья шоссе и туда редко забредают случайные путешественники. Ведущая к поселку дорога была грунтовой, небезопасной и малопривлекательной. Кроме того, чуть повыше Риф-Пойнта, на холме над берегом, расположился небольшой курортный городок под названием Ла-Кармелла, с прелестными тенистыми улочками, фешенебельным загородным клубом и чистенькими мотелями, и любой здравомыслящий человек, у которого была пара лишних купюр, предпочитал остановиться именно там. Только закоренелые авантюристы, полные банкроты или страстные поклонники серфинга шли на риск и, скользя и спотыкаясь, преодолевали еще одну оставшуюся милю по грязной дороге, которая вела к этому великолепному, безлюдному, омываемому волнами заливу.

Но теперь, когда установилась жаркая сухая погода и прозрачные океанские волны лениво набегали на берег, в этом месте было полно людей. Машины всех типов и марок скатывались с холма, парковались в тени под сенью раскидистых кедров и извергали из себя любителей пикников, желающих отдохнуть на лоне природы туристов с палатками, поклонников серфинга и целые семейства хиппи, которым успел наскучить Сан-Франциско и которые теперь направлялись на юг, к Нью-Мексико и солнцу, как стаи мигрирующих птиц. А в выходные дни появлялись студенты из университета Санта-Барбары в своих стареньких кабриолетах и обклеенных цветочками «фольксвагенах», до отказа набитых девчонками и упаковками баночного пива. Они слонялись по пляжу с огромными яркими досками для серфинга «малибу» и разбивали небольшие лагеря, и кругом звучали их голоса и смех, а воздух был напоен ароматом масла для загара.

Так после долгих недель и даже месяцев полнейшего одиночества мы оказались в окружении людей и в эпицентре разного рода событий. Мой отец был всецело поглощен работой – пытался написать сценарий к сроку, а потому игнорировал все происходящее вокруг. Не замеченная им, я выходила на пляж, взяв с собой провизию (гамбургеры и кока-колу), книжку, большое удобное полотенце и Расти – за компанию.

Расти был собакой. Моей собакой. Коричневым мохнатым существом неопределенной породы, но недюжинного ума. Когда мы только переехали в наш маленький деревянный домик весной, у нас не было собаки, и Расти, понаблюдав за нами, видимо, решил это исправить. Соответственно, он все время ошивался поблизости от нашего дома. Я прогоняла его, отпугивала, отец кидался в него старыми сапогами, но он тем не менее возвращался, без капли

раскаяния и не тая на нас злобы, и садился в ярде или двух от заднего крыльца, улыбаясь и дружелюбно стуча по земле хвостом. В одно жаркое утро, сжалившись над ним, я налила ему миску холодной воды. Он вылакал ее досуха, затем снова уселся, улыбнулся и начал бить по земле хвостом. На следующий день я дала ему старую кость с остатками окорока, которую он вежливо принял, унес подальше и закопал, а сам вернулся обратно через пять минут. Улыбаясь. И виляя хвостом.

Мой отец вышел из дома и швырнул в пса сапог, но без всякого энтузиазма. То была лишь вялая демонстрация силы. Расти это понял и подошел немного ближе.

Позже я осторожно спросила отца:

– Как ты думаешь, чей он?

– Бог его знает.

– Мне кажется, он считает, что принадлежит нам.

– Ошибаешься, – возразил отец, – он думает, что это мы ему принадлежим.

– Он вроде не злой и совсем не воняет...

Отец оторвал глаза от журнала, который читал.

– Ты намекаешь на то, что хочешь взять к нам этого проклятого пса?

– Просто я не знаю... Не знаю, как от него отделаться.

– Я уже готов его пристрелить.

– О, не надо, пожалуйста!

– К тому же у него наверняка блохи. Он принесет в дом блох.

– Я куплю ему противоблошиный ошейник.

Отец посмотрел на меня поверх очков. Я увидела в его глазах иронию и поняла, что он вот-вот рассмеется.

– Пожалуйста, – взмолилась я. – Почему нет? С ним мне будет не так одиноко, когда ты уезжаешь.

– Ладно, – сдался отец.

Поэтому я тут же, не теряя ни секунды, надела первые попавшиеся под руку ботинки, свистнула псу и пошла с ним вверх по холму в Ла-Кармеллу, где была модная ветеринарная клиника. Там мы какое-то время дожидались своей очереди в маленькой комнатке, заполненной ухоженными пуделями, сиамскими кошками и их разномастными владельцами, и наконец вошли в кабинет ветеринара. Он осмотрел Расти, заключил, что пес здоров, сделал ему укол и объяснил мне, где купить ошейник от блох. Итак, я заплатила за прием, вышла из клиники и купила ошейник, а затем мы направились в обратный путь. Когда мы вернулись домой, отец все еще читал журнал. Пес вежливо переступил порог и, немного постояв, словно ожидая приглашения сесть, уселся на старый ковер перед пустым камином.

– Как мы его назовем? – спросил отец.

– Расти, – ответила я без раздумий, потому что когда-то у меня была сумка для пижам в виде игрушечной собаки с молнией на животе, я окрестила ее Расти, и это было первое имя, которое теперь пришло мне на ум.

Вопроса о том, впишется ли Расти в нашу семью, не возникало, – казалось, он всегда к ней принадлежал. Куда бы я ни шла, Расти сопровождал меня всюду. Он обожал пляж; вечно откапывал какие-нибудь бесценные сокровища и приносил их домой, где с гордостью демонстрировал нам. Мусор, выброшенный на берег волнами, пластиковые бутылки из-под моющих средств, длинные нитки морских водорослей. А иногда у нас в доме появлялись вещи, которые ему явно и откапывать не приходилось. Новая кроссовка, яркое пляжное полотенце, а однажды даже спущенный пляжный мяч – после того как я отыскала маленького заплаканного владельца этого мяча, отцу пришлось купить новый. Расти также любил плавать и всегда стремился составить мне компанию, хотя я плавала намного быстрее и заплывала дальше, а он все

время вынужден был догонять меня. Любого другого пса это наверняка бы обескуражило, но Расти никогда не сдавался.

Мы плавали в тот день, в воскресенье. Отец успел дописать сценарий в срок и повез его в Лос-Анджелес, и мы с Расти были предоставлены самим себе. С самого утра мы загорали, купались, собирали ракушки и играли со старой палкой, которую волны прибили к берегу. Но теперь вечерело и становилось прохладнее; я оделась, и мы с Расти сидели бок о бок и смотрели на серферов, а заходящее золотистое солнце слепило нам глаза.

Эти ребята целый день упражнялись в своем искусстве, но, казалось, совсем не устали. Стоя на коленях на своих досках, они сквозь прибрежные волны гребли туда, где поблескивала ровная зеленая гладь океана. Там они терпеливо ждали – застыв на линии горизонта, как стаи бакланов, – пока придет волна, которая затем должна была сформироваться, подняться и наконец разбиться о берег. Они выбирали волну, вставали и дожидались, пока она достигнет вершины и на гребне появится пена, а когда она обрушивалась с грохотом, тогда серферы устремлялись вместе с ней. Они скользили на ней – поэма равновесия вкупе с уверенностью молодости, – скользили на волне, пока она не разбивалась о песок, а затем как ни в чем не бывало сходили с доски, поднимали ее и направлялись обратно в море, ибо кредо серфера заключается в том, что в океане его всегда ждет другая волна, выше и лучше, что совершенству нет предела; и сейчас, когда солнце уже заходило, предвещая скорые сумерки, нельзя было терять ни мгновения.

Один парень особенно привлек мое внимание. Блондин с короткой стрижкой и бронзовым загаром, в узких шортах до колен, таких же ярко-синих, как и его доска. Он был великолепным серфером, отличался стилем и напором, и по сравнению с ним все остальные казались неуклюжими новичками. Я не сводила с него глаз, но теперь он, похоже, счел, что на сегодня достаточно, потому как прокатился на последней волне, мягко приземлился на берег, сошел с доски и, бросив долгий прощальный взгляд на розовеющее вечернее море, повернулся, подхватил доску и направился вверх по пляжу.

Я отвела глаза. Он прошел совсем рядом со мной к тому месту, где лежала стопка аккуратно сложенной одежды. Положив доску, он поднял полинявшую университетскую толстовку, которая лежала на самом верху, и принялся натягивать ее. Я снова посмотрела в его сторону, и, когда его лицо показалось из выреза горловины, наши глаза встретились. Я твердо выдержала этот взгляд.

На его лице отразилось удивление.

– Привет, – сказал он с улыбкой.

– Привет, – отозвалась я.

Он расправил толстовку на бедрах и спросил:

– Хочешь сигарету?

– Давай, – кивнула я.

Нагнувшись, он достал из кармана лежавших на песке штанов пачку «Лаки Страйк» и подошел ко мне. Протянул мне сигарету, взял себе другую и прикурил обе, а затем опустился рядом со мной на песок, вытянув ноги и опираясь на локти. Его ноги, шея и волосы были слегка припорошены песком. Голубоглазый, загорелый, ухоженный, он был олицетворением образцового студента американского университета.

– Ты сидела здесь весь день, – заметил он. – Когда не плавала.

– Я знаю.

– Почему к нам не присоединилась?

– У меня нет доски для серфинга.

– Так купи.

– Нет денег.

– Тогда одолжи.

– Мне не у кого.

Юноша нахмурился:

– Ты из Британии, так ведь?

– Да.

– Приехала к кому-то погостить?

– Нет, я здесь живу.

– В Риф-Пойнте?! – изумленно спросил он.

– Да. – Я кивнула головой в ту сторону, где за изгибом песчаных дюн виднелся ряд полинявших, обитых вагонкой барачков.

– Как так?

– Мы арендуем здесь дом.

– Кто – мы?

– Мой отец и я.

– И давно вы тут?

– С весны.

– Но вы же не останетесь на зиму.

Это была скорее констатация факта, нежели вопрос. Никто не оставался зимовать в Риф-Пойнте. Эти домики были просто-напросто не предназначены для того, чтобы выдерживать бури, дорога становилась непроходимой, телефонные провода обрывало, и электричества тоже временами не было.

– Думаю, останемся. Если только не решим куда-нибудь съехать.

Он нахмурился:

– Вы что, хиппи какие-нибудь?

Зная, как я выгляжу, я не могла обидеться на него за то, что он задал подобный вопрос.

– Нет. Просто мой отец пишет киносценарии и разные вещи для телевидения. Но он ненавидит Лос-Анджелес и наотрез отказался там жить, поэтому... мы сняли этот домик.

Мой новый знакомый казался заинтригованным.

– А ты чем занимаешься?

Я взяла пригоршню грубого серого песка и пропустила его сквозь пальцы.

– Ничем особенным. Покупаю еду, выбрасываю мусор и выметаю песок из дома.

– Это твоя собака?

– Да.

– Как зовут?

– Расти.

– Расти. Эй, Расти, приятель!

Расти удостоил парня кивком, который сделал бы честь принцу крови, и вновь устремил взгляд на море. Чтобы как-то компенсировать такое отсутствие манер, я спросила:

– А ты из Санта-Барбары?

– Угу. – Юноша явно не испытывал желания говорить о себе. – И давно ты в Штатах? У тебя все еще ужаснейший британский акцент.

Я вежливо улыбнулась этой фразе, которую слышала уже не раз.

– С четырнадцати. То есть семь лет.

– В Калифорнии?

– Не только. Нью-Йорк. Чикаго. Сан-Франциско.

– Твой отец – американец?

– Нет. Ему просто здесь нравится. Изначально он приехал сюда потому, что писал роман, а потом права на экранизацию романа купила одна кинокомпания, и отец отправился в Голливуд писать сценарий.

– Серьезно? Я слышал о нем? Как его зовут?

– Руфус Марш.

– Ты хочешь сказать, автор «Долгого утра»? – воскликнул он. Я кивнула. – Боже, да я прочел эту книгу от корки до корки, еще когда учился в средней школе! Все свои знания о сексе я почерпнул из нее!

Он посмотрел на меня с новым интересом, и я подумала: «Ну вот опять история повторяется». Парни всегда были со мной дружелюбными и милыми, но несколько не заинтересованными – до тех пор, пока я не упоминала о «Долгом утра». Думаю, что это как-то связано с моей внешностью, потому что глаза у меня бледные, как шестипенсовые монеты, а ресницы совсем бесцветные, и лицо у меня не загорает, а сплошь покрывается сотнями гигантских веснушек. Кроме того, я слишком высокая для девушки, и скулы у меня ужасно выступают.

– Он, должно быть, крутой парень, – добавил мой новый знакомый.

Теперь у него на лице появилось озадаченное выражение, а в глазах ясно читались вопросы, которые он наверняка не станет задавать из вежливости.

Если ты дочь Руфуса Марша, то с какой такой стати ты сидишь на этом забытом богом берегу, в этом калифорнийском захолустье, в джинсах с заплатами и мужской рубашке, которую десятки лет назад следовало без сожалений отправить в мусорную корзину, и у тебя даже нет денег, чтобы купить себе доску для серфинга?

С комичной предсказуемостью вторя моим мыслям, юноша спросил:

– Что он вообще за человек? Я имею в виду, кроме того, что он твой отец.

– Я не знаю.

И действительно, я никогда – даже в своих мыслях – не могла дать ему определение. Я загребла еще одну пригоршню песка и высыпала его из ладони тонкой струйкой. Образовалось нечто вроде миниатюрной горы, а сверху я воткнула сигарету огоньком вверх. Получился маленький кратер, крошечный вулкан, а его дымящейся сердцевиной был мой окурок. Так кто же он – мой отец? Человек, которому всегда нужно быть в движении. Человек, который легко заводит друзей и теряет их на следующий день. Неуживчивый спорщик, талантливый до гениальности, но опускающий руки перед лицом самых ничтожных повседневных задач. Человек, который может расположить к себе и привести в ярость одновременно. Живой парадокс.

– Не знаю, – повторила я и, повернувшись, посмотрела на парня, который по-прежнему сидел рядом со мной. Он был милым. – Я бы позвала тебя домой выпить пива, и тогда ты смог бы познакомиться с ним и составить о нем представление. Но он сейчас в Лос-Анджелесе и вернется не раньше завтрашнего утра.

Парень молча размышлял над моими словами, задумчиво почесывая затылок. Из его волос при этом вырывалась целая буря песка.

– Вот что, – наконец сказал он. – Я приеду сюда опять в следующие выходные, если погода будет хорошая.

– Да? – улыбнулась я.

– Я тебя найду.

– Хорошо.

– Возьму с собой вторую доску. Чтобы ты могла покататься.

– Тебе не обязательно меня подкупать.

Парень притворился обиженным:

– Что значит «подкупать»?

– Я и так познакомлю тебя с отцом в следующие выходные. Он любит новые лица.

– Я не пытался тебя подкупить. Честное слово.

– Знаю, – смягчилась я. Кроме того, мне очень хотелось покататься на серфе.

Он ухмыльнулся и затушил сигарету. Солнце, спускавшееся к морю, принимало четкие очертания и цвет – теперь оно было похоже на оранжевую тыкву. Мой собеседник сел, щурясь на свет, слегка зевнул и потянулся. Затем сказал:

– Мне пора. – С этими словами он поднялся и несколько мгновений в нерешительности стоял надо мной. Его тень на песке была бесконечно длинной. – Ну, тогда пока?

– Пока.

– До следующего воскресенья.

– Хорошо.

– Это свидание. Не забудь.

– Не забуду.

Он повернулся и пошел прочь. По пути он остановился, чтобы подобрать оставшиеся вещи, и салютовал мне напоследок, а затем направился через весь пляж туда, где росли старые, зарывшиеся в песок кедры, за которыми начиналась дорога.

Провожая юношу взглядом, я внезапно поняла, что даже не спросила его имени. И хуже того, он не позаботился узнать мое. Я была просто дочерью Руфуса Марша. Но все же в следующее воскресенье, если погода будет хорошая, он, возможно, придет снова. Если погода будет хорошая. На это стоило надеяться.

2

Мы жили в Риф-Пойнте из-за Сэма Картера. Сэм был агентом моего отца в Лос-Анджелесе, и именно он в откровенном припадке отчаяния в конечном счете вызвался подыскать нам какое-нибудь дешевое жилье. Лос-Анджелес и мой отец были совершенно несовместимы – настолько несовместимы, что отец не мог написать ни одного стоящего слова, пока мы жили там, и Сэм рисковал потерять как ценных клиентов, так и деньги.

– Есть одно местечко, Риф-Пойнт, – сказал тогда Сэм. – Это настоящее захолустье, но там очень тихо и спокойно... Такая тишина, как будто наступил конец света, – добавил он, вызывая в воображении картины рая в духе Гогена.

Так мы взяли в аренду убогий домик, запихнули все нажитое нами добро, которого, как ни печально, оказалось немного, в старый, полуразвалившийся отцовский «додж» и, оставив за собой смог и суматоху Лос-Анджелеса, приехали сюда. Мы были похожи на детей, впервые увидевших море и взволнованных его запахом.

Вначале это и впрямь было волнующе. После городского шума казалось волшебным просыпаться под пение морских птиц и бесконечный рокот прибоя. А как чудесно было ранним утром прогуливаться по песку, глядя на солнце, поднимающееся из-за холмов, развешивать свежевывстиранное белье и смотреть, как оно вздымается и наполняется ветром с моря, словно паруса на кораблях.

Вести хозяйство мне было несложно, хотя я и делала это только в силу необходимости, – домохозяйка из меня, честно говоря, никудышная. В Риф-Пойнте был всего один маленький магазин-аптека, в котором продавались лекарства и другие предметы первой необходимости, а также продукты. Моя бабушка из Шотландии назвала бы его «Всё в одном», так как в нем действительно можно было купить все – от разрешений на ношение оружия до домашних халатов, от замороженных полуфабрикатов до упаковок с салфетками «Клинекс». Магазином управляли Билл и Мертл, но делали они это как придется, спустя рукава, потому что у них, казалось, никогда не было ни свежих овощей, ни фруктов, ни кур и яиц, по которым я так скучала. Тем не менее за лето мы с отцом сильно пристрастились к консервированному «чили кон карне», замороженной пицце и всевозможным видам мороженого, в котором Мертл, похоже, души не чаяла, судя по ее необъятной фигуре. Но она не стеснялась своих громадных бедер и толстых ляжек и носила голубые джинсы в обтяжку, а руки, напоминающие окорока, выставляла напоказ в девичьих блузках без рукавов, которые предпочитала носить с джинсами.

Но теперь, прожив полгода в Риф-Пойнте, я чувствовала, как мое умиротворение сменяется беспокойством. Сколько еще продлится это чудесное бабье лето? Месяц, вероятно. А потом что? Ранние сумерки, сильные штормы, дожди, грязь и ветер. В нашем домике не было центрального отопления, только гигантский камин в продуваемой насквозь гостиной. Дрова сгорали в нем с ужасающей быстротой. Я с тоской думала об уютных ведерках с углем, но угля тут не было. Всякий раз, уходя с пляжа домой, я, как какой-нибудь первопроходец, волочила за собой брус или ветку, прибитую волнами к берегу, и складывала ее в кучу у заднего крыльца. Эта груда выросла до пугающих размеров, но я знала, что, когда наступят холода и мы начнем разжигать огонь, она быстро растает.

Домик находился прямо за пляжем, невысокая песчаная дюна служила ему единственным укрытием от морских ветров. Он был обит досками, которые поблекли со временем и стали серебристо-серыми, и стоял на сваях. Попасть в него можно было через переднее или заднее крыльцо в несколько ступеней. Внутри были большая гостиная с венецианскими окнами, выходящими на океан; крошечная, узенькая кухня; ванная комната – без ванны, но с душем; и две спальни: одна большая, «хозяйская», где спал мой отец, а другая поменьше, с койкой, вероятно предназначенной для маленького ребенка или какого-нибудь второстепенного жи-

лого родственника, – эту комнату отвели мне. Она была обставлена в слегка угнетающем стиле летних домиков, в том смысле, что мебель в нее, судя по всему, перекочевала из других, большего размера домов, когда владельцы решили ее выбросить. Постель отца была огромным уродливым сооружением из меди, с отсутствующими набалдашниками, а пружины издавали зловещий скрип всякий раз, когда он переворачивался с боку на бок. В моей же комнате висело старое вычурное зеркало в позолоченной раме, похожее на те, что когда-то украшали викторианские бордели, и в его отражении я казалась утопленницей, покрытой черными пятнами.

Гостиная была не намного лучше: старые продавленные кресла со стертой обивкой, спрятанной под вязаными пледами из шерсти, дырявый коврик перед камином и стулья, набитые конским волосом, который местами вылез наружу. Был всего один стол, за одним концом которого отец обычно работал, поэтому ели мы, как правило, за другим, скрючившись и сдвинув локти. Лучшим местом в доме был широкий подоконник; он тянулся во всю длину комнаты, был подбит поролоном, устлан теплыми пледами, обложен подушками и казался необыкновенно уютным, как старый диванчик в детской. На нем можно было свернуться калачиком и почитать, или посмотреть на закат, или просто подумать.

Но это было одинокое место. Ночью ветер выл и прорывался в оконные щели, и в комнатах слышались странные шорохи и скрипы, будто наш дом был кораблем, плывущим по морю. Когда отец был дома, все это переставало иметь для меня значение, но когда я оставалась одна, воображение рисовало страшные картины, подогреваемые историями о ежедневных взломах и нападениях из колонок местных газет. Сам домик был хрупким, никакие замки ни на дверях, ни на окнах не смогли бы остановить решительно настроенного непрошеного гостя. К тому же теперь, когда лето кончилось и жильцы соседних домиков упаковали вещи и вернулись туда, откуда приехали, мы остались совершенно одни. Даже Мерتل с Биллом находились за добрую четверть мили от нас, а телефонная линия была коллективного пользования и не всегда хорошо работала. С какой стороны ни посмотри – обо всем, что могло случиться, страшно было подумать.

Я никогда не заговаривала с отцом об этих страхах – у него, в конце концов, была нелегкая работа, но по сути своей он был очень тонко чувствующим человеком и наверняка знал, что я могла довести себя до состояния нервного срыва. В том числе и по этой причине он разрешил мне оставить Расти.

В тот вечер после целого дня на переполненном пляже, дружелюбного солнца и знакомства с молодым студентом из Санта-Барбары дом казался мне еще более пустым.

Солнце скользнуло за край моря, подул вечерний бриз, и на землю постепенно спускалась темнота. Чтобы было не так грустно, я разожгла огонь в камине, легкомысленно бросив туда кучу дров; затем приняла горячий душ, вымыла волосы и, завернувшись в полотенце, отправилась в свою комнату за чистыми джинсами и старым белым свитером, который принадлежал моему отцу до тех пор, пока случайно не ужаслся при стирке.

Под зеркалом в духе борделя стоял покрытый лаком комод, который служил мне туалетным столиком. На него, за неимением лучшего, я и поставила свои фотографии. Их было много, и они занимали много места. Обычно я почти и не смотрела на них, но этим вечером все было по-другому, и, расчесывая узлы в своих длинных мокрых волосах, я изучала снимки один за другим так, будто они принадлежали человеку, которого я едва знала, и были сделаны в местах, которых я никогда не видела.

Вот моя мама, строгий портрет в серебряной рамке. У нее обнаженные плечи, бриллиантовые сережки в ушах и прическа, сделанная в салоне Элизабет Арден. Мне нравился этот снимок, но не такой я запомнила маму. Вот эта фотография была гораздо ближе к действительности – увеличенный моментальный снимок, сделанный на пикнике. Мама в клетчатой шотландской юбке сидит по пояс в зарослях вереска и улыбается так, будто вот-вот должно произойти что-то в высшей степени забавное. А вот большая кожаная складная рамка, а в ней

– целая коллекция фотографий, больше похожая на коллаж. Вот Элви – старый белый дом на фоне лиственниц и сосен, за которыми высился холм, а за лужайкой мерцало озеро, находился причал и старая деревянная лодка – мы пользовались ею, когда ловили форель. А вот моя бабушка у открытых двустворчатых стеклянных дверей, с неизменными садовыми ножницами в руках. И цветная почтовая открытка с изображением озера Элви, которую я купила в почтовом отделении Трамбо. А вот еще снимок, с пикника: мои родители вместе, на заднем плане наш старый автомобиль и толстый, коричневый с белым спаниель у ног матери.

В рамке также были фотографии моего двоюродного брата Синклера. Десятки фотографий. Синклер с первой пойманной им форелью, Синклер в килте, перед тем как отправиться на какой-то праздник. Синклер в белой рубашке, капитан команды по крикету в подготовительной школе. Синклер катается на лыжах; Синклер за рулем своего автомобиля; в бумажном колпаке на какой-то новогодней вечеринке, немного подвыпивший. (На этой фотографии он стоял в обнимку с какой-то симпатичной темноволосой девушкой, но я расставила снимки так, что ее не было видно.)

Синклер был сыном брата моей матери, Эйлвина. Эйлвин женился – слишком рано, как все говорили, – на девушке по имени Сильвия. Семья не одобряла его выбора, и, к несчастью, опасения родных оказались вполне обоснованными, ибо, родив своему юному мужу сына, Сильвия внезапно оставила их обоих и ушла к мужчине, который продавал недвижимость на Балеарских островах. Немного оправившись от потрясения, все сошлись во мнении, что это, вероятно, только к лучшему, особенно для Синклера, которого отдали на попечение бабушки и вырастили в Элви, где он ни в чем не нуждался. Мне лично всегда казалось, что Синклеру доставалось все самое лучшее.

Его отца, моего дядю Эйлвина, я не помнила совсем. Еще когда я была очень маленькой, он уехал в Канаду. По логике вещей, он должен был время от времени навещать своих мать и ребенка, но при мне, по крайней мере, он никогда не приезжал в Элви. В детстве единственное, чего я хотела от дяди, – это чтобы он прислал мне индейский головной убор. За годы я раз сто, наверно, тем или иным способом намекала на это, но безрезультатно.

Итак, Синклер рос под присмотром моей бабушки. И я, сколько себя помню, всегда была в большей или меньшей степени влюблена в него. На шесть лет старше меня, он был для меня своего рода наставником, невероятно мудрым и бесконечно храбрым. Он научил меня привязывать крючок к леске, выделять акробатические трюки на трапеции и подавать мяч в крикете. Мы плавали вместе и катались на санках, разводили костры, хоть это и было запрещено, построили шалаш на дереве и играли в пиратов в протекающей старой лодке.

Уехав в Америку, я первое время регулярно писала ему, но он почти никогда не отвечал, и это в конечном счете отбило у меня всякую охоту посылать ему письма. Вскоре наша переписка свелась к открыткам с поздравлениями на Рождество, запискам в пару слов на дни рождения, а новости о Синклере я узнавала от своей бабушки и также от нее получила фотографию с новогодней вечеринки.

После того как умерла мама, бабушка и меня хотела взять на попечение – как будто одного Синклера ей было недостаточно.

– Руфус, почему бы тебе не оставить ребенка со мной? – Бабушка сказала это сразу после похорон, в Элви, с присущей ей рассудительностью и мужеством отодвинув горе на задний план и обратившись к злободневным вопросам.

Мне не полагалось слышать этот разговор, но я в тот момент оказалась на лестнице, а их голоса отчетливо доносились из-за закрытой двери библиотеки.

- Потому что одного ребенка на руках тебе больше чем достаточно.
- Но я бы с радостью заботилась о Джейн... И она составила бы мне компанию.
- Тебе не кажется, что это немного эгоистично с твоей стороны?
- Вовсе нет! И, Руфус, сейчас ты должен думать о ее жизни, о ее будущем...

Мой отец ответил на это одним-единственным очень грубым словом. Я пришла в ужас – не столько из-за этого слова, сколько из-за того, что он сказал его ей. В голове у меня промелькнуло, что, возможно, он был немного пьян...

Но, не обратив на это внимания, сохраняя поистине эпическое хладнокровие, как и подобает настоящей леди, бабушка продолжала, хотя теперь ее голос звучал уже более сдержанно, как всегда случалось, когда она начинала злиться:

– Ты только что сказал мне, что собираешься в Америке писать сценарий по своей книге. Но ты же не можешь тащить за собой в Голливуд четырнадцатилетнего ребенка.

– Почему нет?

– А как насчет ее образования?

– В Америке есть школы.

– Послушай, Джейн не будет мне в тягость. Пусть она останется здесь со мной. До тех пор, пока ты не обоснуешься, пока не найдешь подходящее жилье.

Мой отец со скрежетом отодвинул стул, и я услышала, как он ходит по комнате.

– А потом, – сказал он, – я дам тебе знать и ты отправишь ее ко мне первым же самолетом?

– Разумеется.

– Так не получится, и ты это знаешь.

– Но почему не получится?

– Потому что, если я оставлю Джейн здесь с тобой, пусть даже на короткое время, Элви станет ее домом и она никогда уже не захочет уезжать отсюда. Ты же знаешь, что ей нравится в Элви, нравится больше, чем где бы то ни было.

– Тогда ради ее же блага...

– Ради ее же блага я забираю ее с собой.

После этого наступило продолжительное молчание. Затем моя бабушка заговорила снова:

– Это не единственная причина, не так ли, Руфус?

Отец медлил с ответом – вероятно, не хотел ее обидеть.

– Нет, не единственная, – наконец сказал он.

– Несмотря на все соображения, я все же думаю, что ты совершаешь ошибку.

– Если и совершаю, то это моя ошибка. А Джейн – моя дочь, и я не могу бросить ее.

Я услышала достаточно. Вскочив на ноги, я взбежала вверх по темной лестнице, ничего не видя перед собой. Оказавшись в своей комнате, я бросилась на постель лицом вниз и рыдалась. Я чувствовала себя по-настоящему несчастной – потому что должна покинуть Элви, потому что никогда больше не увижу Синклера и потому что два человека, которых я любила больше всего на свете, поссорились из-за меня.

Я писала, конечно, и бабушка отвечала мне, и Элви со всеми его звуками и запахами оживал в ее письмах. А затем, спустя год или два, она предложила: «Почему бы тебе не приехать в Шотландию? Ненадолго, на каникулы, на месяцок, например. Мы все ужасно по тебе скучаем, и ты столько всего должна увидеть. Я сделала новый бордюр для клумбы с розами в огороде, а в августе приедет Синклер... У него теперь небольшая квартирка в Эрлс-Корте, и в прошлый раз, когда я была в городе, он угощал меня ланчем. Если возникнут какие-то затруднения с покупкой билета – только скажи, и я попрошу мистера Бембриджа из туристического бюро выслать тебе его. Переговори со своим отцом».

Мысль об Элви в августе с Синклером стала неотвязной, но я не могла обсудить это с отцом, потому что подслушала тогда их с бабушкой разговор в библиотеке и знала, что он не согласится отпустить меня.

Кроме того, у нас никогда, казалось, не было ни времени, ни возможности съездить домой. Мы будто стали настоящими кочевниками – только приезжали куда-нибудь, едва успевали обосноваться и снова срывались с места и отправлялись в путь. Иногда мы были при

деньгах, но гораздо чаще – на мели. После того как отец лишился некоей сдерживающей силы в лице моей матери, деньги словно утекали сквозь пальцы. Мы жили в голливудских особняках, в мотелях, в апартаментах на Пятой авеню, в дешевых меблированных комнатах. С течением лет мне начало казаться, будто бы мы всю свою жизнь путешествовали по Америке и вряд ли уже где-нибудь осядем, а воспоминания об Элви стирались, становились почти нереальными, словно озеро разверзлось и поглотило имение, так что только его очертания, размытые и разорванные, виднеются теперь в глубоких водах. Тогда мне приходилось внушать себе, что Элви не исчез с лица земли, что он по-прежнему стоит на том же самом месте, населенный людьми, которые являются частью меня и которых я люблю.

Вдруг Расти заскулил у моих ног. Вздрогнув, я посмотрела вниз и не сразу поняла – так далеко завели меня мысли, – кто он и что тут делает. А затем, как будто пленку с фильмом заело посередине, щелкнул какой-то механизм и реальная жизнь снова потекла своим чередом. Я осознала, что волосы у меня почти уже высохли. А Расти был голоден и требовал свой ужин, да и я почувствовала, как у меня засосало под ложечкой. Поэтому я вернула расческу на место, выбросила Элви из головы и отправилась в гостиную с намерением подбросить дров в камин, а затем поискать в холодильнике чего-нибудь съестного.

Было почти девять, когда я услышала звук мотора. Какая-то машина спускалась с холма по дороге, которая вела из Ла-Кармеллы. Я услышала ее потому, что она ехала, как и все автомобили, съезжавшие с холма в Риф-Пойнт, на первой передаче, и потому, что я была одна, а мои чувства до предела обострены и настроены на малейший непривычный шум.

Я читала книгу и как раз переворачивала страницу, когда раздался этот звук. Я тут же замерла и прислушалась. Расти почувствовал мое беспокойство и немедленно сел, очень тихо, так, будто не хотел мне помешать. Мы стали слушать вместе. Треск сухих веток в камине, шум прибоа в отдалении. И автомобиль, спускающийся с холма.

Я подумала: «Наверное, это Мертл и Билл. Они ездили в кино в Ла-Кармеллу». Но машина не остановилась у магазина, а продолжила движение, все еще рыча на первой передаче. Миновав аллею из кедров, где парковались приезжающие на пикник, она двинулась дальше – по одинокой дорожке, которая могла привести только к нашему дому.

Мой отец? Но он должен был вернуться не раньше завтрашнего вечера. Молодой человек, с которым я сегодня познакомилась? Вернулся пропустить по стаканчику пива? Бродяга? Сбежавший из тюрьмы заключенный? Сексуальный маньяк?..

Я вскочила, выронив книгу на ковер, и побежала проверить задвижки на дверях. Обе двери в дом оказались закрыты. Но в нашем домике не было занавесок на окнах – значит любой мог заглянуть внутрь и увидеть меня, в то время как я сама не сумею никого различить в кромешной темноте улицы. В приступе паники я метнулась выключить свет, но огонь в камине все еще ярко горел, наполняя гостиную мерцающим светом... Он бросал отблески на стены и мебель, придавая старым креслам неясные жутковатые очертания.

Приближающиеся фары разрезали темноту. Теперь я могла ясно различить подъезжающий автомобиль, который подпрыгивал на ухабах высохшей дороги. Машина оставила позади последний пустовавший домик рядом с нашим и мягко затормозила рядом с задним крыльцом. И это был не мой отец.

Я шепотом подозвала к себе Расти, взяла его за блошиный ошейник и, почувствовав тепло его пушистой коричневой шерсти, немного приободрилась. Он сдавленно рычал, но не лаял. Вместе мы услышали, как мотор заглушили, затем открылась и снова захлопнулась дверца. На мгновение воцарилась тишина. Затем послышались мягкие шаги по гравию от дороги к заднему крыльцу, и в следующее мгновение в дверь постучали.

Я тихо ахнула, и терпению Расти настал конец: он вырвался из моих рук и побежал, надрываясь от лая, к двери, или, точнее, к тому человеку – кем бы он ни был, – который ожидал снаружи.

– Расти! – Я пошла за ним, но он не переставал лаять. – Расти, не надо... Расти!

Я поймала пса за ошейник и оттащила от двери, но он продолжал лаять, и тут я осознала, что со стороны можно было принять его гавканье за лай огромной злобной собаки, и, вероятно, в данных обстоятельствах это было лучше всего.

Я собралась с духом, сильно встряхнула пса, что в конечном счете заставило его замолчать, а затем выпрямилась в полный рост. Пламя трещало в камине, и моя тень танцевала на запертой двери.

Проглотив комок в горле и сделав глубокий вдох, я спросила настолько твердо и спокойно, насколько было возможно в данных обстоятельствах:

– Кто там?

Послышался мужской голос:

– Извините за беспокойство, я ищу дом мистера Марша.

Друг моего отца? Или же это просто уловка, чтобы проникнуть в дом? Я заколебалась.

Голос раздался опять:

– Здесь живет Руфус Марш?

– Да, здесь.

– Он дома?

Еще одна уловка?

– А что? – спросила я.

– Ну, мне сказали, что я могу найти его здесь.

Я все еще раздумывала, как мне поступить, когда мужчина добавил совсем другим тоном:

– Это Джейн?

Нет ничего более обезоруживающего, чем услышать, как незнакомец называет твое имя. Кроме того, в приглушенных звуках его голоса, доносившихся из-за плотно закрытой двери, было нечто такое... что-то...

– Да, – ответила я.

– Ваш отец здесь?

– Нет, он в Лос-Анджелесе. Но кто вы такой?

– Меня зовут Дэвид Стюарт... Я... Послушайте, довольно трудно разговаривать через дверь...

Но еще прежде, чем последнее слово сорвалось с его губ, я открыла задвижку, подняла засов и распахнула дверь. И совершила я этот очевидно безумный поступок из-за того, как он произнес свое имя. Стю-ю-юарт. Американцы всегда испытывают трудности, пытаюсь выговорить это имя... «Стюарт» – вот как они говорят. Но этот человек произнес слово «Стюарт» так, как его произнесла бы моя бабушка, так что он был не американец, он прибыл с моей родины, из Великобритании. А взяв в расчет его имя, я решила, что не просто из Великобритании, но и, скорее всего, из Шотландии.

Полагаю, что я воображала, будто тут же узнаю этого человека, но оказалось, что я не видела его никогда в жизни. Он стоял передо мной, а за его спиной все так же ярко горели фары автомобиля, и только свет от огня в камине освещал его лицо. На нем были очки в роговой оправе, и он казался очень высоким, намного выше меня. Мы посмотрели друг на друга; он – пораженный внезапной переменой моей политики, а я – внезапно охваченная страшной злобой. Ничто так не злит меня, как страх, а я была напугана до полубезумия.

– Что вам нужно? Зачем вы подкралась к моему дому посреди ночи? – Даже мне самой мой голос казался резким и надорванным. Я была близка к истерике.

– Но ведь сейчас только девять часов, и я вовсе не подкрадывался, – ответил мой гость, и это прозвучало довольно разумно.

– Вы могли бы позвонить и предупредить меня, что приедете.

– Я не мог найти ваш номер в телефонной книге. – До сих пор он вовсе не порывался войти. Ворчание Расти по-прежнему доносилось из глубины гостиной. – И я понятия не имел о том, что вы одна, иначе отложил бы свой визит.

Моя ярость поутихла, и мне даже стало немного стыдно за эту вспышку.

– Ну... Раз уж вы здесь, проходите.

Я попятилась и потянулась к выключателю. Комнату наполнил холодный, яркий электрический свет.

Но Дэвид Стюарт все еще колебался.

– Быть может, вы хотели бы взглянуть на какое-нибудь удостоверение личности?.. Ну, знаете, на кредитную карточку? Паспорт?

Я бросила на него довольно резкий взгляд, и мне показалось, что я уловила искру иронии за стеклами его очков. «Интересно, – подумала я, – что такого смешного, черт побери, он тут нашел».

– Если бы вы прожили здесь столько же, сколько я, вы бы тоже не стали открывать эту чертову дверь кому попало.

– Ну что ж, прежде чем кто попало войдет в дом, вероятно, ему лучше пойти и выключить фары. Я оставил их включенными, чтобы не оступиться в темноте.

Не дожидаясь едкой реплики, которую меня так и подмывало уронить в ответ, странный гость направился к автомобилю. Я оставила дверь открытой, вернулась к камину и подложила в огонь еще одну деревяшку. Тут я поняла, что мои руки дрожат, а сердце колотится, отбивая барабанную дробь. Я расправила коврик перед камином, швырнула косточку Расти под кресло и прикурила сигарету. В этот момент пришелец снова поднялся на заднее крыльцо, вошел в дом и закрыл за собой дверь.

Я повернулась к нему. У него была бледная кожа и черные волосы, что свойственно очень многим горцам. Худощавый, несколько угловатый и нескладный, он походил на какого-нибудь чудаковатого ученого или преподавателя непонятной науки. На нем был мягкий костюм из твида, немного потертый на локтях, коленках и петельках для пуговиц, клетчатая, коричневая с белым рубашка и темно-зеленый галстук. Его возраст угадать было невозможно. Ему могло оказаться как тридцать, так и пятьдесят лет.

– Как вы теперь себя чувствуете? – осторожно спросил Дэвид Стюарт.

– Я в порядке, – ответила я, но мои руки все еще дрожали, и он это видел.

– Вам бы выпить немного. Это не повредит.

– Я не знаю, есть ли в доме выпивка.

– Где можно поискать?

– Внизу, под окном.

Дэвид Стюарт нагнулся, открыл шкафчик, пошарил там немного, а затем извлек руку с пылью на рукаве пальто и на четверть полной бутылкой виски «Хейг».

– То, что нужно. Теперь осталось найти стакан.

Я пошла в кухню и вернулась с двумя стаканами, кувшином воды и лотком льда из морозильника. Мой гость разлил напиток в стаканы. Жидкость казалась подозрительно темной.

– Я не очень люблю виски, – сказала я.

– Отнесите к нему как к лекарству. – С этими словами он протянул мне стакан.

– Но я не хочу, чтобы меня развезло.

– О, не волнуйтесь, не развезет.

В этом был здравый смысл. Виски имел привкус дыма и был невероятно согревающим. Успокоившись немного и уже стыдясь того, что я вела себя как полная дура, я нерешительно улыбнулась гостю.

Он улыбнулся в ответ и сказал:

– Почему бы нам не присесть?

Итак, мы присели, я на ковер, а он на краешек большого отцовского кресла, опершись локтями на колени и поставив стакан с виски на пол между ног.

– Разрешите узнать, из чистого любопытства, почему вы в конце концов открыли дверь?

– Все дело в том, как вы произнесли свое имя. Стюарт. Вы из Шотландии, не так ли?

– Да.

– Откуда именно?

– Кейпл-Бридж.

– Но это же совсем рядом с Элви!

– Я знаю. Видите ли, я из фирмы «Рэмси, Маккензи энд Кинг»...

– Бабушкины юристы!

– Верно.

– Но я вас не помню.

– Я начал работать в этой конторе всего пять лет назад.

У меня внутри все похолодело. Но я заставила себя спросить:

– Что-то... случилось?

– Ничего не случилось. – Его голос звучал очень твердо и ободряюще.

– Тогда зачем вы приехали?

– Из-за целого ряда писем, – сказал Дэвид Стюарт, – оставшихся без ответа.

3

Помолчав немного, я произнесла:

– Я вас не понимаю.

– Из-за четырех писем, если быть точным. Трех от самой миссис Бейли и одного моего, написанного от ее имени.

– Написаны кому письма? – Сейчас было не время задумываться о порядке слов в предложении.

– Вашему отцу.

– Когда?

– В течение последних двух месяцев.

– Вы посылали их сюда? Я хочу сказать... Мы так часто переезжаем.

– Вы сами сообщили бабушке этот адрес.

Чистая правда. Я всегда высылаю бабушке новый адрес, когда мы переезжали. Я выбросила свою наполовину сгоревшую сигарету в камин и попыталась как-то уложить в своей голове эту экстраординарную ситуацию. Мой отец, при всех его недостатках, был абсолютно не способен что-либо скрыть... скорее наоборот, он имел склонность выражать свое недовольство вслух и жаловаться сутки напролет, если что-то раздражало или беспокоило его. Но о письмах я не слышала ничего.

Мой гость осторожно спросил, отрывая меня от размышлений:

– Так вы не видели этих писем?

– Нет, – сказала я. – Но это неудивительно, потому что отец всегда забирает почту сам, из магазина.

– Возможно, он просто их не распечатывал?

Но это тоже было на него не похоже. Отец всегда вскрывал письма. Не обязательно для того, чтобы прочесть их, а просто потому, что всегда существовала вероятность обнаружить в конверте чек.

– Нет, он бы так не сделал, – сказала я. Проглотила нервный комок, застрявший в горле, и убрала волосы с лица. – О чем были эти письма? Или вы, может, не знаете?

– Разумеется, знаю. – Теперь голос Дэвида Стюарта прозвучал очень сухо, и было несложно представить, как он, устроившись за старомодным письменным столом, откашлявшись и отодвинув эмоции на задний план, приступает к разбору всяческих завещаний, доверенностей, актов купли-продажи, договоров об аренде и прочих документов с их подводными камнями и невразумительными формулировками. – Дело в том, что ваша бабушка хочет, чтобы вы вернулись в Шотландию... Навестили ее...

– Я знаю, что она этого хочет, – перебила я, – она всегда писала мне об этом.

Он поднял бровь:

– Так вы не хотите возвращаться туда?

– Хочу... Конечно хочу... – Я подумала о своем отце, вспомнила подслушанный давным-давно разговор. – Я не знаю... То есть я просто не могу вот так запросто принять решение...

– Есть какая-то причина, препятствующая этой поездке?

– Ну разумеется, есть... Мой отец...

– Вы имеете в виду, что некому будет вести хозяйство в ваше отсутствие?

– Нет, я говорю совсем не об этом.

Я осеклась. Молчал и Дэвид Стюарт, вероятно ожидая от меня каких-то объяснений. Мне не хотелось встречаться с ним взглядом. Отвернувшись, я стала смотреть на огонь. По правде сказать, я чувствовала себя неловко и подозревала, что вид у меня довольно сконфуженный.

– Видите ли, – заговорил мой непрошенный гость, – никто и никогда не упрекал вашего отца за то, что он увез вас с собой в Америку...

– Бабушка хотела, чтобы я осталась в Элви.

– Так, значит, вам это известно?

– Да, я слышала, как они ссорились из-за меня. Они редко ссорились. Мне кажется, они всегда очень хорошо ладили. Но из-за меня тогда вышел ужасный скандал.

– Но это было семь лет назад. Теперь, между нами говоря, мы могли бы все устроить...

Я привела самый очевидный довод:

– Но это же так дорого...

– Миссис Бейли, разумеется, оплатит проезд. – (Я с горечью представила себе реакцию отца на это.) – К тому же вам не обязательно уезжать больше чем на месяц. – И он повторил свой вопрос: – Разве вы не хотите вернуться?

Его прямота обезоруживала меня.

– Конечно хочу...

– Тогда с чем связано это отсутствие энтузиазма?

– Я не могу огорчать отца. А он, очевидно, не хочет, чтобы я поехала, иначе он бы ответил на письма, о которых вы говорите.

– Да, письма... Интересно, где они могут быть.

Я указала на стол за его спиной, на котором лежали стопки рукописей и справочников, старые документы, конверты и счета, к сожалению не оплаченные.

– Думаю, где-то там.

– Почему же он не говорил вам о них?..

Я промолчала, но про себя решила, что причина мне известна. Отец в каком-то роде был обижен на Элви из-за того, что это место для меня столько значило. Вероятно, он немного ревновал к семье моей матери. Боялся меня потерять.

– Понятия не имею, – сказала я.

– Ну ладно. Когда, говорите, он должен вернуться из Лос-Анджелеса?

– Я не думаю, что вам стоит с ним встречаться. Это только расстроит его. К тому же, даже если он согласится отпустить меня, я ни за что на свете не оставлю его здесь одного.

– Но мы наверняка сможем что-то придумать...

– Нет, не сможем. Нужно, чтобы кто-нибудь о нем заботился. Он самый непрактичный и не приспособленный к жизни человек на свете... Он никогда не покупает еду, не заправляет машину, и если я его брошу, то сама же буду все время ужасно за него волноваться.

– Джейн... Вам нужно подумать о себе...

– Я приеду как-нибудь в другой раз. Передайте моей бабушке, что я обязательно приеду в другой раз.

Дэвид молча обдумал услышанное. Допив виски, он поставил пустой стакан.

– Ну хорошо, давайте оставим все как есть. Я уезжаю в Лос-Анджелес завтра утром, около одиннадцати. Я забронировал для вас билет на рейс в Нью-Йорк на утро вторника. Что мешает вам подумать до завтра, и если вы измените решение...

– Не изменю.

Он проигнорировал эти слова.

– Если вы измените решение, то вас ничто уже не сможет остановить. – Он поднялся, и его фигура нависла надо мной. – А я все-таки считаю, что вам стоит поехать.

Я не люблю, когда надо мной нависают, поэтому тоже встала.

– Вы, похоже, были уверены, что я поеду с вами.

– Я надеялся на это.

– Вы считаете, что я просто ищу отговорки, не так ли?

– Отчасти.

– Я чувствую себя виноватой перед вами – из-за меня вы совершили такое путешествие, а теперь вынуждены уезжать ни с чем.

– Я был в Нью-Йорке по делам. И я рад, что познакомился с вами, жаль только, что не застал вашего отца. – Он протянул мне руку. – До свидания, Джейн.

После секундного замешательства я вложила свою руку в его ладонь. Американцы не часто обмениваются рукопожатием, так что я успела от этого отвыкнуть.

– И я передам от вас большой привет вашей бабушке, – добавил Дэвид.

– Да, и Синклеру тоже передайте...

– Синклеру?

– Вы же видите его, не так ли? Когда он приезжает в Элви?

– Да. Да, разумеется, вижу. Я обязательно передам ему привет от вас.

– Скажите ему, чтобы он писал, – добавила я и, нагнувшись к Расти, стала гладить его, потому что мои глаза наполнились слезами, а я не хотела, чтобы Дэвид Стюарт увидел это.

Когда он уехал, я вернулась в дом и подошла к столу, на котором отец хранил все свои бумаги. Немного поискав, я нашла, одно за другим, четыре письма, оставленные без ответа. Все они были вскрыты и, очевидно, прочитаны. Я не стала их читать. Инстинкт взял верх. В любом случае я и так знала, что было в этих письмах, поэтому просто вернула их туда, откуда взяла, засунув поглубже.

Затем я встала коленями на подоконник, открыла окно и высунулась наружу. Было очень темно, океан казался черным как смоль, воздух был холодным, но все мои страхи улетучились. Я думала об Элви и мечтала оказаться там. Я думала о гусях, летящих по зимнему небу, и запахе торфа, горящего в камине в холле. Я думала об озере, ослепительно-голубом и гладком, как зеркало, а порой сером и покрытом белыми пенными волнами из-за дующих с севера ветров. Мне вдруг так сильно захотелось оказаться там, что это желание причиняло мне почти физическую боль.

И я злилась на отца. Я не хотела покидать его, но ведь он мог обсудить этот вопрос со мной, дать мне возможность самой принять решение. Мне двадцать один год, я уже далеко не ребенок, и меня оскорбляло такое отношение, которое я считала невыносимо эгоистичным и старомодным.

«Подождем, пока он вернется, – пообещала я себе. – Да, пусть только вернется! Тогда я спрошу его об этих письмах. Я просто скажу ему... Я...»

Но мой гнев был недолговечен. Я никогда не умела злиться долго. Не знаю, может, его остудил ночной воздух, но только он побурлил во мне и исчез, оставив после себя странное чувство умиротворения. В конечном счете ничего не изменилось. Я все равно знала, что останусь с отцом, потому что люблю его, потому что он хочет, чтобы я была рядом, потому что я нужна ему. Не было никакой альтернативы. Я не стану пытаться вывести его на чистую воду с письмами – это только смутит его и унизит, а чтобы нормально сосуществовать в будущем, важно, чтобы он всегда оставался сильнее и мудрее меня.

Следующим утром я драила пол на кухне, когда вдруг услышала надрывистое ворчание старого «доджа», которое нельзя было перепутать ни с чем. Автомобиль переехал через холм и теперь спускался по дороге к Риф-Пойнту. Я поспешно протерла последний оставшийся островок потрескавшегося коричневого линолеума, затем поднялась с колен, отжала половую тряпку, вылила грязную воду в сток и вышла на заднее крыльцо встречать отца, на ходу вытирая руки о старый полосатый фартук.

День был потрясающий: жаркое солнце, синее небо, по которому стремительно неслись яркие белые облака, шум ветра над искрящейся водой и грохот высоких приливных волн, набегающих на пляж. Я уже успела постирать, и теперь свежее белье развевалось на веревке. Я нырнула под него и пошла дальше, к дороге, навстречу автомобилю, который подъезжал все ближе, подпрыгивая и накреняясь на ухабах и выбоинах дороги.

Я сразу же увидела, что отец был не один. Так как погода была хорошая, он сложил верх автомобиля, а рядом с ним сидела Линда Лэнсинг со своей безошибочно узнаваемой рыжей шевелюрой. Увидев меня, она высунулась из машины и помахала, и ее белый пудель, которого она держала на коленях, тоже высунулся и залился возмущенным тьявканьем, так, словно у меня не было никакого права находиться здесь.

Расти, который в это время играл на пляже со старым обрывком корзины, услышал тьявканье пуделя и немедленно прибежал спасать меня. Он бешено выскочил из-за угла дома с громким лаем и стал делать резкие выпады в сторону «доджа», оскалив зубы, словно не в состоянии дождаться той счастливой минуты, когда он сможет вонзить их в шею этого проклятого пуделя. Мой отец выругался, Линда вскрикнула и прижала пуделя к себе, пудель жалобно заскулил, и мне пришлось взять Расти за его блошинный ошейник, втащить в дом и приказать замолчать и вести себя прилично. Если бы я не сделала этого, он просто не дал бы нам ни малейшего шанса что-либо сказать друг другу.

Оставив надувшегося Расти в доме, я снова вышла на улицу. Отец уже вылез из машины.

– Привет, милашка, – сказал он и, подойдя ко мне, обнял меня и поцеловал. Это было так, будто меня обнимала горилла. Его борода царапала мне шею. – Все в порядке?

– Да, все хорошо. – Я высвободилась из его объятий. – Привет, Линда.

– Здравствуй, дорогая.

– Прошу прощения за собаку.

Я подошла, чтобы открыть ей дверцу. Она была при полном макияже, с накладными ресницами, в светло-голубом полуспортивном костюме и золотистых балетках. На пуделе был розовый ошейник, украшенный стразами.

– Да ничего. Митци необыкновенно эмоциональна. Думаю, все дело в том, что она такая чистопородная.

Линда подставила мне щеку для поцелуя, сложив губки бантиком. Я поцеловала ее, и пудель опять затыкал.

– Ради бога, – сказал отец, – успокой эту чертову собаку, – после чего Линда бесцеремонно выбросила пуделя из машины и сама вылезла следом.

Линда Лэнсинг была актрисой. Примерно двадцать лет назад она объявилась в Голливуде как подающая надежды старлетка. Ее появление сопровождалось колоссальной рекламной кампанией, за которой последовал ряд довольно посредственных фильмов, где она обычно играла роль какой-нибудь цыганки или крестьянки в блузке на завязках, с открытыми плечами, малиновыми губами и задумчивым, хмурым видом. Но случилось неизбежное: этот жанр кино утратил свою популярность, и Линда – точнее, ее стиль игры – вместе с ним. Проявив проницательность – а она никогда не была глупой, – Линда быстро вышла замуж. «Мой муж для меня важнее карьеры», – гласили подписи под их свадебными фотографиями, и на некоторое время Линда совсем пропала с голливудской сцены. Но позднее, когда она развелась со своим третьим мужем, а четвертого за жабры еще не взяла, Линда снова начала появляться на вторых ролях в кино и на телевидении. Для молодого поколения зрителей она была новым лицом и под умным руководством совершенно неожиданно обнаружила в себе комедийный талант.

Мы познакомились с Линдой на одной из скучных воскресных вечеринок у бассейна, которые были неотъемлемой частью жизни лос-анджелесского бомонда. Мой отец не отходил от нее ни на шаг, так как она оказалась единственной женщиной в этом месте, с которой можно было поговорить. Мне она тоже понравилась. У нее было довольно вульгарное чувство юмора, низкий и сочный голос и удивительная самоирония.

Мой отец не мог пожаловаться на недостаток внимания со стороны противоположного пола, но он всегда устраивал свои любовные дела с благоразумием, достойным восхищения. Я знала, что у них с Линдой начался роман, но едва ли ожидала, что он привезет ее с собой в Риф-Пойнт.

Я решила вести себя как ни в чем не бывало.

– Вот так сюрприз! Как вы оказались в таком захолустье?

– О, ты же знаешь, каково это, дорогая, когда твой отец что-то вобьет себе в голову. Подумать только, какой здесь воздух! – Линда вдохнула полной грудью, слегка закашлялась и повернулась к машине, чтобы вытащить свою сумочку.

Именно в этот момент я увидела груды багажа на заднем сиденье. Три чемодана, большой чехол с нарядами, коробка с косметикой, норковая шуба в пластиковом пакете и корзинка Митци с розовой резиновой косточкой в комплекте. Я изумленно уставилась на эту гору вещей, но, прежде чем мне удалось что-либо сказать, мой отец отстранил меня и решительным движением вытащил два чемодана.

– Ну же, не стой тут с открытым ртом, – сказал он мне. – Лучше помоги перенести вещи.

С этими словами он направился к дому. Линда, взглянув на мое лицо, сразу же тактично решила, что Митци нужно пробежаться по пляжу, и исчезла. Я пошла было за отцом, но спохватилась и, вернувшись к машине, взяла собачью корзинку.

Отца я нашла в гостиной. Он положил два чемодана на пол посередине комнаты, бросил свою кепку с длинным козырьком на стул и выгрузил из кармана на стол пачку помятых писем и стопку каких-то бумаг. В комнате, которую я только что убрала и привела в порядок, в одно мгновение воцарился сущий хаос. Мой отец мог произвести такую перемену в любом помещении; ему стоило только войти – и порядка как не бывало. Теперь он шагнул к окну, высунулся в него, полюбовался видом и шумно вдохнул морской воздух. Через его массивное плечо я увидела далекую фигуру Линды, которая резвилась с пуделем у кромки воды. Расти, все еще дуюсь, понуро сидел на подоконнике и даже не стучал хвостом.

Отец повернулся и, запустив руку в карман рубашки, вытащил сигареты. Он казался довольным собой.

– Ну, – сказал он, – ты не хочешь спросить меня, как все прошло? – Он прикурил сигарету, затем поднял глаза и, нахмурившись, выбросил зажженную спичку в окно. – Что ты стоишь и держишь эту собачью корзинку? Поставь ее куда-нибудь.

Я не послушалась его. Вместо этого спросила:

– Что происходит?

– Что ты имеешь в виду?

Я поняла, что все эти его сердечность, веселость и видимая беспечность были просто частью большого блефа.

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Я говорю о Линде.

– А что Линда? Она тебе нравится, разве нет?

– Конечно, нравится, но речь не об этом. Что она здесь делает?

– Я попросил ее поехать со мной.

– О господи! Со всей этой кучей барахла? И как долго она здесь пробудет?

– Ну... – отец сделал неопределенный жест. – Столько, сколько захочет.

– У нее разве нет работы?

– О, она ее бросила. – Отец походкой хищника отправился на кухню за банкой пива. Я услышала, как открылась и снова захлопнулась дверца холодильника. – Она начала уставать от Лос-Анджелеса так же, как и я когда-то. Поэтому я подумал: а почему бы и нет? – Он снова появился в двери кухни с открытой банкой пива в руке. – Я едва успел озвучить ей свое предложение, как она сразу же нашла желающих арендовать ее дом вместе с горничной, собрала вещи и приготовилась к отъезду. – Отец опять нахмурился. – Джейн, что ты вцепилась в эту собачью корзинку? Она тебе так понравилась?

Продолжая игнорировать его вопросы, я глухо повторила:

– Так сколько она здесь пробудет?

– Ну, столько же, сколько и мы. Я не знаю. До весны, возможно.

– Но тут нет места, – сказала я.

– Конечно же есть. И чей это вообще дом?

Отец опорожнил банку с пивом, ловко метнул ее в мусорную корзину через всю кухню и вышел на улицу за следующей партией багажа. На этот раз он отнес чемоданы в свою спальню. Я положила корзину Митци и последовала за ним. С кроватью, чемоданами и нами двумя в комнате совсем не оставалось места.

– Где она будет спать? – спросила я.

– А ты как думаешь? – Отец сел на гигантскую монструозную постель, и пружины жалобно скрипнули. – Прямо здесь.

Я не знала, что сказать. Я просто смотрела на него и молчала. Такого не случалось никогда, никогда прежде. Я задавалась вопросом, не выжил ли он из ума.

Наверное, выражение моего лица говорило само за себя, потому что отец вдруг принял раскаивающийся вид и взял меня за руки:

– Джейни, ну не надо так. Ты уже не ребенок, и мне не нужно притворяться. Тебе нравится Линда, я не привез бы ее сюда, если бы не знал, что она тебе нравится. И она составит тебе компанию, ведь мне приходится оставлять тебя одну так часто... О, перестань хмуриться, иди лучше приготовь кофе.

Я высвободила руки.

– У меня нет времени.

– Что это значит?

– Мне... мне надо пойти и собрать вещи.

Я выбежала из его комнаты, влетела в свою, вытащила чемодан, положила его на кровать, открыла и начала собирать вещи так, как делают герои в фильмах: выдвигая ящики один за другим и вываливая их содержимое в чемодан.

Из открытой двери за моей спиной послышался голос отца:

– Что ты творишь?

Я повернулась к нему с охапкой футболок, ремней, шарфов и носовых платков в руках.

– Я уезжаю.

– Куда?

– В Шотландию.

Он сделал широкий шаг в комнату и, оказавшись рядом со мной, развернул меня к себе лицом. Я быстро продолжила, не давая ему шанса вставить слово:

– Ты получил четыре письма. Три от моей бабушки и одно от ее юристов. Ты открыл их, прочитал, но не сказал мне, потому что не хотел, чтобы я поехала туда. Ты даже не обсудил это со мной!

Отец все так же крепко держал меня за руку, но мне показалось, что краска сошла с его лица.

– Откуда ты узнала об этих письмах?

Я рассказала ему о Дэвиде Стюарте.

– Он объяснил мне все, – заключила я. – Но это было не обязательно, – добавила я опрометчиво. – Потому что я и так все знала.

– И что же именно ты знала?

– Что ты не хотел, чтобы я осталась в Элви, после того как умерла мама. Что ты не хотел, чтобы я когда-нибудь возвращалась туда снова. – (Отец озадаченно смотрел на меня.) – Я слышала! – закричала я ему так, будто он внезапно оглох. – Я была в коридоре, на лестнице, и слышала все, что вы с бабушкой наговорили друг другу!

– И молчала об этом?!

– А что бы изменилось, если бы я сказала?

Отец осторожно присел на краешек моей постели, как будто боясь помешать мне собирать вещи.

– Так ты хотела, чтобы я оставил тебя в Элви?

Его бестолковость привела меня в ярость.

– Да нет же, разумеется нет! Мне всегда нравилось быть с тобой, я бы не поступила иначе, но это было семь лет назад, а теперь я уже взрослая, и ты не имел никакого права прятать от меня эти письма, не сказав мне о них ни слова!..

– Ты так сильно хочешь поехать в Шотландию?

– Да, хочу. Я люблю Элви, ты знаешь, как много для меня значит это место. – Я взяла щетку для волос, свои фотографии и запихнула их по бокам чемодана. – Я... Я не собиралась говорить тебе об этих письмах. Я думала, что так только огорчу тебя, к тому же я бы все равно не смогла уехать, потому что о тебе некому было бы заботиться. Но теперь все изменилось...

– Ладно, итак, все изменилось и ты уезжаешь. Я не буду тебя останавливать. Но как ты собираешься добраться до Шотландии?

– Дэвид Стюарт уезжает из Ла-Кармеллы в одиннадцать. Если я потороплюсь, я его застану. Он забронировал для меня билет на завтрашний рейс в Нью-Йорк.

– А когда ты вернешься?

– О, я не знаю. Когда-нибудь. – С этими словами я запихнула в чемодан книжку «Дар моря» Энн Морроу Линдберг, с которой никогда не расстаюсь, и пластинку Саймона и Гарфанкела.

После этого я попыталась закрыть крышку чемодана, но тщетно – вещи начали выпирать и вываливаться, поэтому я открыла его снова и стала лихорадочно утрамбовывать содержимое, и все равно у меня ничего не получилось. В конце концов это сделал мой отец, применив грубую силу: он надавил на крышку чемодана сверху и замки защелкнулись сами.

Наши взгляды встретились над закрытым чемоданом.

– Я бы не уехала, если бы не Линда... – начала я, но голос изменил мне.

Я сорвала свой плащ с крючка на двери и надела его поверх рубашки и джинсов.

– На тебе фартук, – сказал отец.

В другое время мы бы от всей души посмеялись над этим. Теперь же в мертвой тишине я протянула руки за спину и развязала ленточки. Сняв с себя фартук, я бросила его на кровать и спросила:

– Если я возьму машину и оставлю ее у мотеля, вы с Линдой сможете ее забрать?

– Конечно, – ответил отец. А потом добавил: – Подожди, – и скрылся в своей комнате, но тут же появился снова с пригоршней денег – измятых и грязных купюр в пять, десять, один доллар. – Вот, возьми, – сказал отец и сунул деньги в карман моего плаща. – Они тебе могут понадобиться.

– Но ты... – начала было я, но именно в этот момент Линда и Митци решили вернуться с пляжа.

Митци испачкала песком весь пол, а Линду, казалось, вдохновило ее непродолжительное приобщение к природе.

– О, эти волны, я никогда не видела ничего подобного! Высотой футов в десять, наверное! – Тут она заметила мой чемодан, плащ и мое, судя по всему, несчастное лицо. – Джейн, что ты делаешь?

– Уезжаю.

– Куда, ради всего святого?

– В Шотландию.

– Только не говори, что из-за меня.

– Отчасти. В том смысле, что об отце теперь есть кому позаботиться.

Линда, казалось, пришла в замешательство, словно заботиться об отце вовсе и не планировала, но она храбро прикрыла это замешательство улыбкой и, собравшись с духом, сказала:

– Ну что ж, рада за тебя. Когда ты едешь?

– Сегодня. Сейчас. Я возьму «додж» и доеду до Ла-Кармеллы... – Я уже начинала пятиться к двери, потому что положение становилось невыносимым. Отец взял мой чемодан и последовал за мной. Я бормотала: – Надеюсь, зима будет мягкой. Без сильных бурь. И в холодильнике есть яйца и рыбные консервы...

Наконец я задом спустилась по ступенькам крыльца, вышла из дома, повернулась и нырнула под развешанным бельем (догадается ли Линда, что его нужно внести в дом?). Я села за руль «доджа», а отец положил чемодан на заднее сиденье.

– Джейн...

Но я была не в состоянии прощаться. Машина тронулась с места и уже набирала ход, когда я вдруг вспомнила о Расти. Но было слишком поздно. Он услышал меня, услышал, как хлопнула дверца автомобиля, как завелся мотор, выскочил из дома и понесся за мной, как ядро, выпущенное из пушки, негодуя лая. Он бежал рядом с машиной, прижав уши к голове, рискуя быть задавленным.

Это было последней каплей. Я остановила машину. Мой отец с громким воплем «Расти!» помчался за собакой. Расти встал на задние лапы и начал царапать когтями дверцу машины. Я наклонилась и попыталась оттолкнуть его.

– О, Расти, не надо. Отойди. Я не могу тебя взять. Я не могу взять тебя с собой.

Отец, который на самом деле бежал что есть сил, наконец догнал нас. Он сгреб Расти в охапку и теперь стоял рядом с машиной, глядя на меня сверху вниз. В глазах у Расти была обида и упрек, а у отца на лице застыло выражение, которого я не видела никогда прежде и не совсем поняла. Но в тот момент я поняла, что не хочу прощаться ни с одним, ни с другим, и горько разрыдалась.

– Ты позаботишься о Расти, правда? – проревела я, захлебываясь слезами. – Запри его, чтобы он не смог побежать за машиной. Иначе он попадет под колеса... И он любит только корм «Красное сердце», и никакой другой... И не оставляй его одного на пляже, кто-нибудь может его украсть...

Я стала ошупью искать носовой платок. Как обычно, у меня его не оказалось, и, как обычно, отец достал из кармана свой платок и молча дал его мне. Я отерла слезы и высморкалась, а потом протянула руки, привлекла отца к себе и поцеловала, а потом чмокнула Расти и сказала: «До свидания», и отец ответил: «До свидания, мой песик» – так он не называл меня с шести лет. И, рыдая пуце прежнего и почти ничего не видя перед собой, я нажала на газ и поехала вперед, не оглядываясь. Но я знала, что они стояли там и провожали меня взглядом, пока я не переехала через гребень холма и не скрылась из виду.

Было без четверти одиннадцать, когда я остановилась у мотеля и подошла к стойке регистрации. Служащий за стойкой посмотрел на мое испачканное и заплаканное лицо без всякого интереса, как будто плачущие женщины были их постоянными клиентами.

– Мистер Дэвид Стюарт уже уехал? – пробормотала я.

– Нет, он еще здесь. Ему нужно расплатиться по телефонному счету.

– В каком он номере?

Клерк взглянул на доску с ключами.

– В тридцать втором. – Затем он обвел взглядом мой плащ, джинсы, запачканные кроссовки и протянул руку к телефону. – Вы хотите его увидеть?

– Да, пожалуйста.

– Я позвоню ему и скажу, что вы сейчас придете. Как вас зовут?

– Джейн Марш.

Он кивнул головой в сторону одной из дверей, таким образом показывая мне, куда идти.

– Номер тридцать второй, – повторил он мне вслед.

Я механически и почти ничего не видя перед собой пошла по застеленному ковром проходу, который вел к большому бассейну с яркой голубой водой. Две женщины лежали в шезлонгах, а их дети плавали и, крича, пытались отнять друг у друга резиновый круг. Не успела я дойти до середины прохода, как увидела Дэвида Стюарта, который спешил мне навстречу. Заметив его, я перешла на бег, чем привлекла внимание двух женщин, и удивила саму себя, бросившись прямо в объятия Дэвида. Он поймал меня и осторожно обнял, а затем отстранил и спросил:

– Что случилось?

– Ничего не случилось, – проговорила я, но, не в силах сдержаться, снова заплакала. – Я еду с вами.

– Почему?

– Я передумала, вот и все.

– Но почему?

Я не собиралась ему рассказывать, но тут меня словно прорвало – слова хлынули неудержимым потоком.

– У папы есть подруга, и она приехала с ним из Лос-Анджелеса... И она... Она сказала...

Дэвид, бросив взгляд на двух хихикающих женщин, произнес:

– Пойдемте со мной.

Он отвел меня к себе в номер, втолкнул внутрь и захлопнул за нами дверь.

– Теперь рассказывайте.

Я вытерла слезы и, сделав над собой невероятное усилие, заставила себя говорить внятно.

– Просто теперь есть кому о нем позаботиться. Поэтому я могу поехать с вами.

– Вы сказали ему о письмах?

– Да.

– Так он был не против того, чтобы вы поехали?

– Нет. Он сказал: «Хорошо».

Дэвид замолчал. Я взглянула на него и увидела, что он немного повернул голову и теперь задумчиво смотрел на меня искоса, краем глаза. Впоследствии я выяснила, что эта привычка выработалась у него за долгие годы из-за плохого зрения и очков, которые ему приходилось носить, но в тот момент мне стало не по себе – так, словно меня приперли к стенке.

– Вы не хотите, чтобы я ехала с вами? – сконфуженно спросила я.

– Дело не в этом. Просто я еще не настолько хорошо вас знаю и не уверен, что вы говорите правду.

Я была слишком несчастна, чтобы обидеться на это.

– Я никогда не лгу, – возразила я, но тут же поправилась: – А когда делаю это, то у меня глаза начинают бегать и я краснею. Отец правда согласился. – И чтобы доказать свои слова, я запустила руку в карман плаща и вытащила оттуда охапку грязных бумажек. Некоторые купюры упали, как старые листья, на ковер. – Вот, он даже дал мне денег на всякий случай.

Дэвид наклонился, поднял упавшие купюры и протянул их мне.

– Я все же думаю, Джейн, что мне необходимо поговорить с ним, прежде чем мы отправимся в путь. Мы могли бы...

– Я не смогу снова с ним попрощаться.

Лицо Дэвида смягчилось. Он коснулся моей руки и сказал:

– Тогда побудьте здесь. Я вернусь не позже чем через пятнадцать минут.

– Обещаете?

– Обещаю.

Он ушел, а я стала бесцельно бродить по номеру, который он занимал. Просмотрела газету, затем выглянула из открытой двери, потом направилась в ванную. Там вымыла лицо и руки, причесала волосы и, отыскав простую аптечную резинку, собрала их сзади. После этого вышла из номера, села у бассейна и стала ждать Дэвида. Когда он вернулся, мы погрузили багаж в машину, выехали на шоссе и направились к югу, в Лос-Анджелес. Переночевали мы в мотеле рядом с аэропортом, наутро вылетели в Нью-Йорк, а на следующий вечер – в Лондон, и только где-то над Атлантическим океаном я вспомнила о парне, который обещал приехать в следующее воскресенье и научить меня кататься на доске для серфинга.

4

Большую часть жизни я прожила в Лондоне, но теперь, вернувшись в этот город через семь лет, испытала такое чувство, будто никогда раньше здесь не была, – так все изменилось. Здание аэропорта, подъездные дороги, линия горизонта, которую загромаждали огромные высотные дома, масса транспорта – все было иначе. В такси я вжалась в уголок, чемодан лежал у меня под ногами. Стоял такой сильный туман, что уличные фонари все еще горели, а воздух был сырым и холодным – я уже и забыла, как это бывает.

Я не спала в самолете, и теперь голова у меня шла кругом от усталости; меня едва не стошнило при виде непривлекательного завтрака, который на борту предлагали – по моим часам, которые по-прежнему шли по калифорнийскому времени, – в два ночи. После такого путешествия все тело у меня ломило, голова и глаза болели, губы сводило от усталости, а одежду, которая была на мне, я, казалось, носила с начала времен.

Нас окружали рекламные щиты, эстакады, ряды домов. Лондон поглотил нас. На каком-то светофоре такси свернуло в переулок, медленно проехало по довольно тихому району и наконец остановилось рядом с автомобилями, которые были припаркованы перед высокими домами в раннем викторианском стиле, стоявшими полукругом.

Я отрезанно посмотрела на них и подумала: «Интересно, что мне предстоит теперь». Дэвид перегнулся через меня, открыл дверцу и сказал:

– Вот здесь мы и выходим.

– А? – Я посмотрела на него и удивилась: этот мужчина, который разделил со мной изматывающее, на мой взгляд, путешествие нон-стопом через половину земного шара, по-прежнему выглядел ухоженным и спокойным и вел себя непринужденно, так, словно все было у него под контролем.

Я послушно вывалилась из такси и теперь стояла на тротуаре, моргая, как сова, и без конца зевая. Дэвид расплатился с водителем такси и забрал наши чемоданы. Потом он направился к подъезду, к ступенькам, ведущим на самый нижний этаж. Я шла следом за ним. Перила с обеих сторон лестницы были выкрашены черной краской, вымощенная камнем маленькая площадка убрана и выметена, там же стояла деревянная кадка с геранью – цветки казались немного покрытыми копотью, но все еще яркими и веселыми. Дэвид достал ключ, желтая дверь открылась внутрь, и я машинально вошла за ним в квартиру.

Она была светлой, а обстановка чем-то напоминала загородный дом. На полу лежали персидские ковры, на диван и кресла были надеты ситцевые чехлы, изящная старинная мебель казалась отполированной до блеска, а над камином висело венецианское зеркало. Я обвела взглядом книги и стопку журналов, застекленную горку с дрезденским фарфором, небольшие гобелены ручной работы... А за окнами в дальней части комнаты увидела миниатюрный внутренний двор с садиком, где рос разлапистый платан, окруженный деревянной скамейкой, а в нише, сделанной в стене из полинявшего кирпича, красовалась маленькая статуя.

Я стояла и зевала. Дэвид Стюарт подошел к окну и раскрыл его.

– Это ваша квартира? – спросила я.

– Нет, моей матери, но я останавливаюсь здесь, когда приезжаю в Лондон.

Я рассеянно огляделась:

– А где ваша мама? – Это прозвучало довольно забавно – так, словно я ждала, что она сейчас вылезет из-под дивана, но Дэвид не улыбнулся.

– Она сейчас на юге Франции, в отпуске. Давайте же, снимайте плащ и располагайтесь. Я пойду пока приготовлю нам по чашке чая.

С этими словами он исчез за дверью. Я услышала, как открывается кран, как наполняется чайник. Чашка чая. Само это слово было уютным и ласкающим слух. Чашка чая. Я какое-то

время возилась с пуговицами плаща и, когда наконец мне удалось их расстегнуть, сняла плащ и бросила его на то, что выглядело как чиппендейловский стул. Затем опустилась на диван. На нем лежали бархатные подушки зеленого цвета; я взяла одну и положила ее под голову. Мне кажется, что я заснула прежде, чем успела оторвать ноги от пола. Я определенно этого не помню.

Когда я проснулась, комнату заливал свет. Длинный луч солнца, танцующий с пылью, как свет прожектора врывается в мое поле зрения. Я зажмурилась, затем пошевелилась, протерла глаза и открыла их снова – и тут заметила, что я накрыта пледом, легким и теплым.

В камине потрескивал огонь. Я смотрела на него какое-то время, прежде чем осознала, что он электрический, с бутафорскими дровами, угольками и языками пламени. Но в тот момент он казался мне бесконечно уютным. Я слегка повернула голову и увидела Дэвида. Он сидел в кресле, обложившись газетами и папками. Он успел переодеться – теперь на нем была голубая рубашка и кремовый свитер с глубоким треугольным вырезом. Я подумала несколько отрешенно: интересно, он что, один из тех людей, которые вообще не нуждаются в отдыхе? Он услышал, что я пошевелилась, и поднял глаза.

– Какой сегодня день недели? – спросила я.

– Среда. – Дэвид выглядел удивленным.

– Где мы?

– В Лондоне.

– Нет, я имею в виду, в каком районе?

– В Кенсингтоне.

– Мы когда-то жили на Мелбери-роуд, – сказала я. – Это далеко отсюда?

– Да нет. Совсем рядом.

Я немного помолчала, а затем спросила:

– Сколько сейчас времени?

– Почти пять.

– Когда мы поедем в Шотландию? – продолжила я допрос.

– Сегодня вечером. Я уже забронировал для нас места в спальном вагоне поезда «Роял хайлендер».

Сделав над собой невероятное усилие, я села, зевнула и попыталась прогнать сон. Затем убрала волосы с лица и осторожно спросила:

– Наверное, мне нельзя принять ванну?

– Разумеется, можно, – ответил Дэвид.

Итак, я приняла ванну, набрав горячей воды и бросив в нее пару горстей ароматизированной соли для ванны, которой пользовалась мать Дэвида, – он был так добр, что разрешил мне ее взять. Помывшись, я взяла свой чемодан, достала оттуда чистую одежду и оделась, а грязную запихнула в чемодан и каким-то чудесным образом сумела закрыть его. Затем вернулась в гостиную и обнаружила, что Дэвид приготовил чай и принес горячие тосты с маслом и тарелку с шоколадным печеньем – не с шоколадным вкусом, какое продается в Америке, а с глазированным настоящим шоколадом.

– Это мамино печенье? – спросила я.

– Нет, я сбегал на улицу и купил его, пока вы спали. За углом есть маленький магазинчик – очень удобно, когда нужно срочно что-то купить.

– Ваша мама всегда здесь жила?

– Отнюдь. Она переехала сюда около года назад. Раньше у нее был загородный дом в Гемпшире, но он стал для нее слишком большим, да и с садом возникало много хлопот, а помочь было некому. Поэтому она продала тот дом, забрала оттуда некоторые любимые вещи и переехала сюда.

Так вот чем объяснялась эта обстановка в квартире, которая была сродни загородному дому. Я посмотрела в окно на маленький садик и сказала:

– А сад у нее все же есть.

– Да, но совсем небольшой. С ним она легко управляется сама.

Я взяла еще один тост и попробовала представить в подобной ситуации свою бабушку. Но это было невозможно. Бабушку никогда бы не испугали размеры дома или масса дел, которые ей приходилось делать, или трудности, сопряженные с поиском и содержанием поваров и садовников. На самом деле, насколько я помнила, миссис Ламли, кухарка, была с бабушкой всегда; она все время стояла на своих распухших ногах за кухонным столом и раскатывала тесто. И Уилл, садовник, у которого был свой маленький домик и участок земли, где он выращивал картошку, гигантскую морковь и косматые хризантемы.

– Так, значит, вы не живете в этой квартире? – спросила я снова.

– Нет, не живу, но останавливаюсь здесь, когда приезжаю в Лондон, – терпеливо ответил Дэвид.

– И часто такое случается?

– Да, нередко.

– А вы видите с Синклером?

– Да.

– Чем он занимается?

– Работает в рекламном агентстве. Я думал, вам это известно.

Тут меня вдруг осенило: я же могу позвонить Синклеру! В конце концов, он живет в Лондоне. Мне потребуется совсем немного времени, чтобы узнать его номер. Я уже собралась сделать это, но потом передумала. Я точно не знала, как Синклер отреагирует на мой звонок, и не хотела, чтобы Дэвид Стюарт стал свидетелем возможного конфуза.

– А подруга у него есть? – поинтересовалась я с видимым равнодушием.

– Да полно, я думаю.

– Нет же, я о другом. Какая-нибудь особенная девушка?

– Джейн, я правда не знаю.

Я задумчиво слизнула горячее масло с кончиков пальцев и произнесла:

– Как вам кажется, он приедет в Элви, пока я буду там?

– Рано или поздно приедет.

– А что его отец? Дядя Эйлвин все еще в Канаде?

Дэвид Стюарт надвинул очки на переносицу длинным смуглым пальцем и сказал:

– Эйлвин Бейли умер около трех месяцев назад.

Я вытаращила глаза:

– А я и не знала об этом... О, бедная бабушка!.. Она очень расстроилась?

– Да, очень...

– А похороны и все это...

– Его похоронили в Канаде. Он последнее время болел... Ему не удалось вернуться на родину.

– Значит, Синклер его так и не увидел...

– Нет.

Я замолчала, переваривая эту информацию. Меня охватила грусть. Я подумала о собственном отце, который мог кого угодно вывести из себя, и поняла, что никогда не пожалею ни об одной минуте из проведенного вместе с ним времени. И мне стало жаль Синклера как никогда. А затем я вспомнила, как завидовала ему в детстве из-за того, что Элви был домом для Синклера, а я лишь проводила там каникулы. В мужском обществе у Синклера тоже недостатка не было. В Элви всегда было много мужчин. Кроме садовника Уилла, которого мы очень любили, был еще Гибсон, егерь, довольно угрюмый, но мудрый во всех отношениях человек,

и двое сыновей Гибсона, Хэмиш и Джордж. Они были почти одного возраста с Синклером и позволяли ему участвовать во всех своих забавах и шалостях, дозволенных и недозволенных. Так Синклер научился стрелять и закидывать удочку, играть в крикет и лазать по деревьям. Так или иначе ему уделяли гораздо больше времени и внимания, чем большинству мальчишек его возраста. Нет, если учесть все обстоятельства, детство у Синклера было прекрасное.

Мы сели на «Роял хайлендер» на станции Юстон, и я чуть ли не полночи вылезала из постели, чтобы посмотреть в окно, внутренне ликуя при мысли, что поезд направляется на север и ничто, кроме какого-нибудь стихийного бедствия, кары небесной, не сможет его остановить. В Эдинбурге меня разбудил женский голос, ужасно похожий на голос Мэгги Смит из фильма «Расцвет мисс Джин Броди»: «Эдинбург-Уэверли. Это Эдинбург-Уэверли». И тогда я поняла, что мы в Шотландии, встала, накинула плащ на ночную рубашку и, сев на крышку умывальника, стала смотреть, как расплываются вдали огни Эдинбурга, и ждать, когда мы въедем на мост. Тут поезд, издав совершенно другой звук, внезапно нырнул вниз и устремился вверх над заливом Форт, и я увидела далеко под нами темную гладь воды, в которой отражались огни какого-то крошечного суденышка.

Я улеглась в постель и дремала до самого Релкирка. Там я снова встала и открыла окно. В купе ворвался холодный воздух, пахнувший торфом и соснами. Мы приближались к Северо-Шотландскому нагорью. Была только четверть шестого, но я оделась и всю оставшуюся дорогу сидела, прижавшись щекой к темному, залитому дождем стеклу. Видела я, по правде говоря, немного, но к тому времени, как мы миновали перевал и поезд устремился по длинному спуску, который в итоге должен был привести в Трамбо, начало светать. Солнца не было видно – непроглядный мрак просто сменялся серыми красками дня. Плотные темные облака висели над вершинами холмов, но, когда мы спустились в долину, они поредели, а затем рассеялись совсем и перед нами распростерлась необозримая горная долина, золотисто-коричневая и безмятежная в свете раннего утра.

В мою дверь постучали, заглянул проводник:

– Джентльмен интересуется, проснулись ли вы. Мы прибудем в Трамбо примерно через десять минут. Я возьму ваш чемодан?

Проводник вытащил мой багаж, дверь за ним захлопнулась, и я снова повернулась к окну, потому что теперь местность становилась до боли знакомой и я не хотела пропустить ни малейшей детали. Вон по той дороге я гуляла, в том поле каталась на шотландском пони, а в тот белый домик меня брали с собой пить чай. А потом я увидела мост, который разделял деревню надвое, и автозаправку, и тот отремонтированный отель, который всегда был полон пожилых гостей и где нам не разрешалось покушать выпивку.

Дверь открылась снова, и на этот раз в проеме появился Дэвид Стюарт:

– Доброе утро.

– Доброе, – отозвалась я.

– Как спалось?

– Хорошо.

Теперь поезд замедлялся, тормозил. Мы проехали мимо сигнальной будки, затем под мостом. Я соскользнула с умывальника и вышла за Дэвидом в коридор. Через его плечо я видела, как знак с надписью «Трамбо» торжественно проплывает мимо. И тогда поезд остановился. Приехали.

Дэвид попросил меня подождать его на платформе, а сам пошел за своей машиной, которую оставил в гараже. Я села на свой чемодан и стала смотреть, как пробуждается безлюдный поселок: один за другим загорались огни в домах, дым вырывался из труб. Какой-то человек, виляя из стороны в сторону, проехал по улице на велосипеде. А затем я услышала высоко в небе крики и звуки хлопающих крыльев, которые становились все громче и громче. Стая

диких гусей пронеслась прямо у меня над головой, но я не могла разглядеть их, потому что они летели над облаками.

Озеро Элви расположено примерно в двух милях за поселком Трамбо. На севере его окаймляет главная дорога, ведущая в Инвернесс, а по другую сторону от озера возвышаются величественные бастионы Кернгормских гор. Имение Элви было очень аккуратным островком в форме гриба, присоединявшимся к суше своей ножкой, узкой полосой земли – насыпью между поросшими тростником болотами, служившими гнездовьем для огромного количества птиц.

Долгие годы эта земля принадлежала церкви, и до сих пор там все еще стояла полуразвалившаяся часовенка, теперь заброшенная и без крыши, хотя маленькое кладбище, окружавшее ее, по-прежнему содержалось в чистоте и порядке. Ветки тисовых деревьев были аккуратно подстрижены, скошенная трава казалась ровной и мягкой, как бархат, а весной над ней весело покачивались ярко-желтые головки нарциссов.

Дом, в котором жила моя бабушка, когда-то принадлежал пастору этой маленькой церкви. С годами, однако, он разросся за свои первоначальные скромные границы: были добавлены флигели и новые комнаты, где, как полагали, проживали члены больших викторианских семейств. Сзади, со стороны подъездной дороги, дом казался высоким и неприступным. На север выходило мало окон, и те были маленькими и узкими, чтобы сохранять тепло суровыми зимами, а неприметная входная дверь обычно плотно закрыта. Сходство с крепостью усиливали две высокие стены сада, которые, как руки, тянулись от дома к востоку и к западу и на которых ни в какую не хотели приживаться вьющиеся растения – даже моей бабушке ничего не удавалось с этим поделаться.

Но с другой стороны Элви производил совсем иное впечатление. Старинный белый дом, защищенный стенами и смотревший на юг, нежился на солнце. Окна и двери были открыты, и через них в дом проникал свежий воздух, а сад полого спускался к низенькой изгороди, за которой начиналось узкое поле, где сосед-фермер пас свой скот. Поле спускалось к самой воде, и плеск небольших волн у покрытого галькой берега и размеренное мычание вечно жующих коров давно уже стали неотъемлемой частью Элви. Прожив там некоторое время, ты просто переставал это слышать. Только возвращаясь в Элви после длительного отсутствия, ты снова замечал все это.

Машина Дэвида Стюарта стала для меня неожиданностью. Это был темно-синий «TR-4», на мой взгляд слишком колоритный для такого обстоятельного с виду горожанина. Мы уложили в автомобиль свои чемоданы и двинулись к выезду из Трамбо. Я подалась вперед на сиденье и вертела головой по сторонам. Я просто не могла сидеть спокойно. Знакомые места проплывали мимо. Автомастерская, кондитерская, ферма Макгрегоров остались позади, и наконец мы вырвались на простор. Дорога резко уходила вверх, через поля с золотистым жнивьем, изгороди пестрели багряными плодами шиповника, и здесь уже явно ударили первые заморозки, так как деревья были подернуты золотыми и красными оттенками – вестниками осени.

А затем мы преодолели последний поворот, и справа от нас распростерлось озеро, серое в бледном утреннем свете, а горы, высившиеся за ним, терялись в облаках. И меньше чем в миле от нас находился сам Элви, дом, спрятанный за деревьями и заброшенной церквушкой без крыши, которая казалась ужасно романтической. От восторга я лишилась дара речи, и, проявив удивительное понимание, Дэвид Стюарт молчал и не задавал мне никаких вопросов. Вместе мы совершили долгое путешествие, преодолели такое огромное расстояние, что в голове не укладывалось, но именно в тишине мы свернули с дороги у стоявшего на обочине домика, и автомобиль, постепенно сбрасывая скорость, поехал между высоких изгородей, затем по насып-

ной дорожке между болотами, поднялся по аллее под сенью темно-пунцовых буков и наконец остановился у передней двери.

Я в ту же секунду выскочила из машины и побежала по гравию к дому, но бабушка опередила меня. Распахнулась дверь, она появилась на пороге, и мы кинулись друг другу в объятия. Она прижала меня к груди, повторяя мое имя. Ее одежда, как и прежде, пахла душистыми лавандовыми саше, которые она клала в гардеробы с вещами, и я с облегчением сказала себе, что ничего не изменилось.

5

Воссоединение после стольких лет всегда сопряжено с некоторой неловкостью и растерянностью. Мы говорили друг другу нечто вроде: «О, ты и впрямь приехала...», и «Я уже и не надеялась, что у меня получится...», и «Как ты выдержала такое путешествие...», и «Ничего не изменилось, все осталось по-прежнему», а затем смотрели друг на друга, смеялись над собственной глупостью и снова бросались друг другу в объятия.

Затем еще большее смятение внесли собаки. Они выбежали из дома и стали с лаем прыгать под нашими ногами, требуя внимания. Это оказались коричневые с белым спаниели, незнакомые мне и все же родные, потому что в Элви всегда жили коричневые с белым спаниели, и эти, вне всякого сомнения, были потомками тех, которых я помнила. Не успела я поздороваться с собаками, как к нам присоединилась миссис Ламли. Она услышала шум и тоже поспешила мне навстречу. В зеленом рабочем комбинезоне, который толстил ее еще больше, она выплыла из дома, улыбаясь до ушей. Я поцеловала ее, и она сказала, что я стала ужасно высокой и у меня еще больше веснушек, а затем добавила, что готовит поистине королевский завтрак.

За моей спиной Дэвид спокойно выгружал мой чемодан из машины. Только теперь бабушка пошла поздороваться с ним.

– Дэвид, ты, должно быть, ужасно устал, – заметила она и, к моему огромному удивлению, поцеловала его в щеку. – Спасибо, что привез ее целой и невредимой.

– Вы получили мою телеграмму? – осведомился он.

– Ну разумеется, получила. Я с семи часов на ногах. Ты позавтракаешь с нами, не правда ли? Мы тебя ждали.

Но Дэвид отказался, объяснив это тем, что его ждет экономка и что ему нужно поскорее добраться до дома, переодеться, а затем еще попасть в офис.

– Ну что ж, тогда приезжай на ужин. И я настаиваю. Около половины восьмого. Мы хотим услышать все подробности.

Дэвид позволил уговорить себя, и мы с улыбкой переглянулись. Я неожиданно для себя осознала, что познакомилась с ним всего каких-то четыре дня назад, и тем не менее сейчас, когда настало время прощаться, я чувствовала себя так, словно расставалась со старым другом, с кем-то, кого знала всю свою жизнь. Ему дали очень непростое задание, и он выполнил его с тактом, был добродушен и никого, насколько мне известно, не обидел.

– О, Дэвид...

Он поспешил предупредить мои бессвязные излияния благодарности:

– Увидимся вечером, Джейн.

С этими словами Дэвид сел в машину, захлопнул дверцу, развернулся и поехал по буковой аллее к дороге. Мы провожали его взглядами, пока он не исчез из виду.

– Такой хороший молодой человек, – задумчиво произнесла моя бабушка. – Ты так не считаешь?

– Да, – согласилась я, – милый. – И, быстро нагнувшись, подхватила чемодан, к которому уже тянулась миссис Ламли.

Я внесла его в дом, бабушка и собаки вошли за мной, а затем дверь закрылась, и Дэвид Стюарт был, пусть и на время, забыт.

Мне в нос тут же ударили знакомые ароматы – пахло торфом из камина в холле, розами из большой вазы на комодке рядом с часами. Одна из собак изо всех сил добивалась моего внимания, виляя хвостом и повизгивая от восторга; я остановилась почесать ее за ушами и как раз собиралась рассказать про Расти, как вдруг бабушка заявила:

– У меня для тебя сюрприз, Джейн.

Я выпрямилась и, подняв глаза, увидела мужчину, который спускался навстречу мне по лестнице. Его силуэт рисовался на фоне освещенного окна. На мгновение я была ослеплена этим светом, а затем он сказал: «Здравствуй, Джейн», и я поняла, что это мой кузен Синклер.

Я так и замерла на месте, разинув рот, а бабушка и миссис Ламли стояли рядом, радуясь тому, что задуманный ими сюрприз удался. Синклер приблизился ко мне, приобнял за плечи и, наклонившись, поцеловал в щеку. Наконец я перевела дух и слабым голосом произнесла:

– Я думала, что ты в Лондоне...

– Ну а я не в Лондоне. Я здесь.

– Но как?.. Почему?..

– Взял отпуск на несколько дней.

Ради меня? Он взял отпуск для того, чтобы оказаться в Элви к моему возвращению? Такое предположение было лестным и волнующим одновременно, но, прежде чем я успела что-либо сказать, моя бабушка распорядилась:

– Ну, ни к чему тут стоять. Синклер, отнеси чемодан Джейн в ее комнату, а ты, дорогая, вымой руки с дороги и приведи себя в порядок, а потом спускайся завтракать. Ты ужасно устала от такого путешествия.

– Я вовсе не устала.

Я на самом деле совсем не ощущала усталости. Я чувствовала себя полной жизни и энергии, бодрой и готовой на все. Синклер взял мой чемодан и пошел с ним вверх по лестнице, переступая своими длинными ногами через две ступеньки, и я побежала за ним так, словно у меня за спиной выросли крылья.

Моя спальня, окна которой выходили в сад и на озеро, была нечеловечески чистой и надраенной до блеска, но в остальном ничего не изменилось. Выкрашенная в белый цвет кровать по-прежнему стояла в нише у окна, где я предпочитала спать. На туалетном столике лежала подушечка для булавок, в гардеробе – мешочки с лавандой, а синий плед закрывал истертое пятно на ковре.

Пока я снимала плащ и мыла руки, Синклер прошел в комнату и плюхнулся на мою кровать, увы, смяв накрахмаленное белоснежное покрывало. За те семь лет, что прошли с нашей последней встречи, он, конечно, изменился, но перемены, которые я в нем видела, были слишком неуловимыми, чтобы заострять на них внимание. Он определенно похудел, и я отметила, что вокруг его рта и глаз появились мимические морщинки, – но и только. Он был очень красивым, с темными бровями и ресницами и синими, немного раскосыми глазами. Нос у него был прямой, а рот – чувственный, с полной нижней губой, которая, бывало, в детстве придавала ему обиженный вид. Волосы, густые и прямые, он носил длинными; пряди на затылке клином падали на воротник, и, несмотря на то разнообразие причесок, которое я привыкла видеть в Риф-Пойнте, – под ежик (у серферов) или до плеч (у хиппи), – я сочла стрижку Синклера очень привлекательной. В то утро на нем были голубая рубашка, хлопковый платок на открытой шее и протертые штаны в рубчик, дополненные ремнем из плетеной шерсти.

Надеясь получить подтверждение своим догадкам, я спросила:

– Так ты правда взял отпуск?

– Конечно, – коротко ответил он, так ничего и не подтвердив.

Я решила смириться с тем, что правды не узнаю.

– Ты работаешь в рекламной компании?

– Да. «Стратт энд Сьюард». Личный помощник генерального директора.

– Хорошая должность?

– Да, подразумевает счет на представительские расходы.

– Ты имеешь в виду ланчи и выпивку с потенциальными клиентами?

– Не обязательно ланчи и выпивку. Если потенциальный клиент симпатичный, это может быть интимный ужин при свечах.

Я ощутила укол ревности, но не подала виду. Остановившись у туалетного столика, я принялась расчесывать тяжелую копну длинных волос, и Синклер сказал, совершенно не меняя тона:

- Я и забыл, какие у тебя длинные волосы. Ты раньше заплетала их в косы. Они как шелк.
- Время от времени я обещаю себе, что отрежу их, но все никак не соберусь.

Я закончила причесывать волосы, положила щетку на столик и направилась к кровати. Встав коленями на покрывало, я распахнула окно и высунулась на улицу.

- Как чудесно пахнет!.. Сыростью и осенью.
- Разве в Калифорнии не пахнет сыростью и осенью?
- В основном там пахнет бензином. – Я вспомнила Риф-Пойнт и добавила: – Или эвкалиптами и океаном.
- И как тебе жизнь среди краснокожих?

Я бросила на Синклера суровый взгляд, давая понять, что могу и обидеться, и он тут же сменил тон:

– Честно, Джейн, я боялся, что ты приедешь с набитым жвачкой ртом и вся обвешанная фотокамерами и каждый раз, обращаясь ко мне, будешь говорить: «Вот круто, Син!»

- Ты отстал от жизни, брат, – сказала я ему.
- Ну или будешь все время протестовать, знаешь, развешивать транспаранты с лозунгами вроде: «Занимайтесь любовью, а не войной». – Он сказал это с нарочитым американским акцентом, что я сочла столь же утомительным, как и все подшучивания калифорнийцев над моим «ужаснейшим» британским произношением.

Я так ему и заявила и добавила:

- Обещаю тебе, что, если я вдруг соберусь протестовать, ты узнаешь об этом первым.
- На это Синклер лукаво улыбнулся, а затем спросил:
- Как твой отец?
 - Отрастил бороду и теперь похож на Хемингуэя.
 - Могу себе представить.

Две кряквы спустились с неба и приземлились на воду, оставив за собой полосу белой пены. Какое-то время мы молча наблюдали за ними, а потом Синклер зевнул, потянулся и, по-братски хлопнув меня по плечу, сказал, что пора идти завтракать. Поэтому мы встали с кровати, закрыли окно и спустились вниз.

Я поняла, что ужасно проголодалась. На столе была яичница с беконом, вкуснейший мармелад и горячие, обваленные в муке булочки. Пока я уплетала все это за обе щеки, Синклер и бабушка вели беседу, точнее, отпускали отрывочные замечания – о новостях в местной газете, о результатах цветочной выставки, о письме, которое бабушка получила от своего родственника преклонного возраста, переехавшего в какое-то место под названием Мортар.

- Какого черта он туда уехал? – изумился Синклер.
- Ну, там все, конечно, намного дешевле, к тому же тепло. Бедняга ведь ужасно страдал от ревматизма.
- И чем он будет заниматься? Катать туристов на лодке по гавани?

Я вдруг осознала, что они говорят о Мальте. Мортар. Мальта. Я американизировалась больше, чем полагала.

Бабушка разлила кофе. Я смотрела на нее и думала, что ей сейчас должно быть семьдесят с лишним, но выглядит она точно такой же, какой я ее помнила. Она была высокой, с прекрасной осанкой и очень красивой. Ее седые волосы всегда были безукоризненно причесаны, а глубоко посаженные глаза казались пронзительно-голубыми под изящно изогнутыми бровями. (В тот момент в них светились необыкновенное радушие и бодрость, но я-то знала, что бабушка может выразить крайнее неодобрение, просто приподняв эти брови и сопроводив это движение ледяным взглядом.) Ее одежда тоже была без возраста и очень ей шла. Мягкие твидовые юбки

оттенков вереска и кашемировые свитеры или кардиганы. Днем бабушка всегда носила жемчуг и пару коралловых сережек в форме слезинок. По вечерам скромный бриллиант или два часто сверкали на темном бархате ее одежды, так как она придерживалась традиции и каждый вечер переодевалась к ужину, даже если было воскресенье и самым восхитительным блюдом в нашем меню был омлет.

Теперь бабушка удобно устроилась во главе стола, и я почему-то подумала о том, что в своей жизни она хлебнула достаточно горя. Сначала умер ее муж, затем она потеряла дочь, а теперь еще и сына, вечно неуловимого Эйлвина, который предпочел жить и умереть в Канаде. Синклер и я были единственными, кто у нее остался. И Элви. Но ее спина оставалась прямой, а манеры – энергичными, и я была рада, что она не превратилась в одну из тех понурых ворчащих старых дамочек, бесконечно вспоминающих прошлое. Бабушка была слишком любознательной, слишком активной, слишком развитой. Несокрушимой, сказала я себе, находя в этом слове утешение. Вот какой она была. Несокрушимой.

После завтрака мы с Синклером совершили церемониальное путешествие по острову, стараясь ничего не пропускать. Мы вышли через ворота, которые вели на кладбище. Там мы осмотрели все старые надгробия, заглянули в оконные проемы старинной церкви, а затем перелезли через изгородь и, приковав к себе внимание целого стада коров, побрели по полю к берегу озера. Потревожив парочку диких крякв, мы устроили соревнование по запуску «блинчиков» – кто бросит дальше. Синклер победил. Потом мы пошли по причалу, чтобы взглянуть на дырявую старую лодку, которой было чертовски сложно управлять, и наши шаги эхом отдавались над провисшим настилом.

– Когда-нибудь, – сказала я, – эти доски провалятся.

– Нет смысла чинить причал, если им никто не пользуется, – разумно возразил Синклер.

Мы направились дальше вдоль кромки воды и пришли к раскидистому буку, в ветвях которого когда-то построили шалаш, а затем вступили в березовую рощицу, где деревья печально роняли листья, и снова повернули к дому через группу хозяйственных построек: брошенных свинарников и курятников, конюшен и старого каретного сарая, который давно уже использовался в качестве гаража.

– Пойдем покажу тебе свою машину, – сказал Синклер.

Мы какое-то время сражались с засовами; наконец массивная дверь сарая со скрипом распахнулась. Внутри рядом с большим и исполненным величия «даймлером» моей бабушки стоял темно-желтый «лотус элан» – спортивный, низкий автомобиль с черным откидным верхом. От него буквально разило опасностью.

– И как давно он у тебя? – спросила я.

– О, около полугода.

Синклер сел за руль и, задом выехав из гаража, принялся демонстрировать мне, как маленький мальчик показывает новую игрушку, разнообразные достоинства автомобиля: стекла с электрическим приводом, хитрое устройство, которое приводило в движение складной верх, автоматическую охранную сигнализацию, колпаки на фарах, которые опускались и поднимались, будто исполинские веки. Двигатель рычал, как разозленный тигр.

– Какую скорость он развивает? – осведомилась я встревоженно.

Синклер пожал плечами:

– Сто двадцать – сто тридцать.

– Только не со мной, я на это не согласна.

– Подожди, пока тебя пригласят, трусишка.

– По этим дорогам и на скорости шестьдесят опасно ездить – можно вылететь на обочину.

Кузен вышел из машины.

– Ты не собираешься поставить ее обратно? – спросила я.

– Нет. – Он взглянул на часы. – Мне нужно ехать, я договорился пострелять голубей.

Услышав это, я осознала, что я дома. В Шотландии мужчины то и дело ездят стрелять, независимо от того, какие планы имеет на них женский пол.

– Когда вернешься? – поинтересовалась я.

– Вероятно, к чаю, – ответил Синклер и улыбнулся. – Вот что я тебе скажу: после чая мы с тобой прогуляемся к Гибсонам. Они ждут не дождутся, когда увидят тебя. Я пообещал им, что мы придем.

– Хорошо. Так и поступим.

Мы вернулись домой – Синклер пошел переодеться и взять стрелковое снаряжение, а я поднялась к себе и принялась распаковывать вещи.

Когда я вошла в комнату, меня бросило в озноб, и я поняла, что уже начинаю скучать по калифорнийскому солнцу и центральному отоплению. Хотя Элви с его толстыми стенами был обращен к югу, в каминах постоянно горел огонь и грелись галлоны с горячей водой, в спальнях тем не менее было холодно. Я разложила одежду по пустым ящикам и пришла к выводу, что, хотя она отлично стирается, не мнется и якобы устойчива к холодам, согреть меня она не сможет. Чтобы нормально жить в Шотландии, мне придется купить теплые вещи. Тут меня озарила счастливая мысль, что бабушка, вероятно, поможет мне с этим.

Я спустилась вниз и столкнулась с ней в дверях кухни – бабушка выходила оттуда в резиновых сапогах, древнем дождевике и с корзинкой в руках.

– Ага! Ты-то мне и нужна! – воскликнула она. – Где Синклер?

– Поехал пострелять.

– Ах да, точно, он говорил, что в обед его не будет... Пойдем поможешь мне собрать брюссельскую капусту.

Я нашла старые сапоги и пальто, и мы вышли в тихое утро, только на этот раз направились в обнесенный стенами огород. Уилл, садовник, уже был там. Он поднял глаза, когда мы появились, перестал копать и, ловко переступая через свежевскопаннные грядки, подошел к нам и протянул мне свою запачканную руку.

– Э, – сказал он, – давненько же ты не была у нас в Элви. – Он не всегда говорил отчетливо, так как носил свой зубной протез только по воскресеньям. – И как там шизнь, в Америке?

Я немного рассказала ему о жизни в Америке, и он спросил меня об отце, а я его – о миссис Уилл, которая, похоже, захворала, впрочем как обычно. А затем он вернулся к своим грядкам, а мы с бабушкой отправились собирать капусту.

Наполнив корзину, мы направились назад, к дому, но утро было необыкновенно свежим и тихим, и бабушка предложила еще немного погулять, поэтому мы обошли дом вокруг и завернули в сад, где сели на выкрашенную белой краской чугунную скамью. Так мы и сидели, устремив взор на горы, возвышающиеся за озером. Цветочный бордюр в саду был сделан из георгинов, цинний и фиолетовых новобельгийских астр, а траву, усыпанную жемчужными капельками росы, покрывали темно-красные листья американского клена.

– Я всегда любила осень, – сказала бабушка. – Некоторые считают, что осень – грустная пора, но на самом деле красоты в ней намного больше, нежели грусти.

Я процитировала:

– «Сентябрь настал, и осень / Мои умножает силы».

– Откуда это?

– Это Льюис Макнис. А твои силы умножаются осенью?

– Ну, когда-то точно умножались, но это было лет двадцать назад. – Мы засмеялись, и бабушка сжала мою руку. – О Джейн, как же я рада, что ты вернулась!

– Ты так часто писала, и я бы приехала раньше... Но правда не могла.

– Конечно, конечно. Я понимаю. И это было эгоистично с моей стороны – продолжать настаивать.

– А те письма, которые ты писала моему отцу... Я ничего о них не знала, но я бы заставила его ответить.

– Твой отец всегда был очень упрямым. – Бабушка пристально посмотрела на меня своими пронзительными голубыми глазами. – Он не хотел, чтобы ты ехала?

– Я приняла решение, и он смирился. Кроме того, там был Дэвид Стюарт, поэтому отец вряд ли стал бы сильно возражать.

– Я боялась, что ты не сможешь оставить его одного.

– Я и не оставила бы его... – Нагнувшись, я подобрала с земли опавший кленовый лист и стала рвать его на мелкие кусочки. – Но он теперь не один.

Бабушка снова посмотрела на меня искоса:

– Не один?

Я печально взглянула на нее. Она всегда придерживалась высоких нравственных принципов, но никогда не строила из себя святошу.

– Линда Лэнсинг. Актриса. И его нынешняя подруга.

– Ясно, – помолчав, ответила бабушка.

– Нет, не думаю, что тебе ясно. Но она мне нравится, к тому же она за ним будет присматривать... Во всяком случае, пока я не вернусь.

– Не понимаю, – сказала бабушка, – почему он до сих пор не женился снова.

– Вероятно, потому, что он не задерживался ни в одном месте достаточно долго для того, чтобы объявить о предстоящем браке.

– Неужели он совсем не думает о твоём будущем? Ведь из-за него у тебя нет возможности уехать, вернуться сюда, в Шотландию, и увидеться со всеми нами или построить какую-нибудь карьеру.

– Я не хочу никакой карьеры.

– Но в наше время каждая девушка должна быть способна сама о себе позаботиться.

На это я сказала, что меня вполне устраивает то, как обо мне заботится отец, а бабушка заявила, что я такая же упрямая, как и он, и спросила, разве нет никакого занятия, к которому у меня лежит душа.

Я глубоко задумалась, но смогла вспомнить только то, как в восемь лет хотела пойти в цирк и ухаживать там за верблюдами. Я подумала, что бабушка вряд ли такое оценит, поэтому сказала:

– Да вроде нет.

– О, бедная моя Джейн.

Я почувствовала в этих ее словах некий упрек в адрес отца и поспешила за него заступиться:

– И вовсе я не бедная. Я не ощущаю, что мне чего-то не хватало. – Но тут же добавила, чтобы смягчить свои слова: – Кроме разве что Элви. Мне действительно очень не хватало Элви. И тебя. И всего этого.

Бабушка никак не ответила. Я бросила порванный кленовый листок и нагнулась за другим. Затем произнесла, собравшись с духом:

– Дэвид Стюарт рассказал мне о дяде Эйлвине. Я ничего не говорила Синклеру... Но... Мне жаль... Я имею в виду, что он был так далеко и все это.

– Да, – сказала бабушка. Ее голос ничего не выражал. – Но ведь он сам это выбрал... Жить в Канаде и в конце концов умереть там. Понимаешь, Элви никогда для него много не значил. Эйлвин был неусидчивым человеком. Ему всегда нужно было общаться с огромным количеством разных людей. Он любил разнообразие во всем, что делал. А Элви – не самое подходящее с этой точки зрения место.

– Странно: мужчина, которому скучно в Шотландии... Это же край, сотворенный для мужчин.

– Да, но видишь ли, Эйлвину не нравилось охотиться, и он никогда не питал склонности к рыбалке. Все это казалось ему скучным. Он любил лошадей и скачки. Он был просто одержим скачками.

Я осознала, не без удивления, что это был первый раз, когда мы с бабушкой говорили о дяде Эйлвине. Не то чтобы этой темы раньше избегали – нет, просто прежде мне было совершенно неинтересно. Но теперь я поняла, как мало о нем знала, и это показалось мне очень странным... Я даже не представляла, как он выглядел, ибо моя бабушка, в отличие от большинства женщин ее поколения, не питала слабости к семейным фотографиям. Все снимки, которые у нее были, она аккуратно убирала в альбомы, а не выставляла напоказ в серебряных рамках на громадном пианино.

– Что он был за человек? – спросила я. – Как он выглядел?

– Выглядел? Он выглядел так, как сейчас выглядит Синклер. Он был очень обаятельным... Бывало, войдет в комнату, и все женщины, которые в ней находятся, расцветают прямо на глазах, начинают улыбаться и кокетничать. Забавно было смотреть...

Я уже собиралась спросить бабушку о Сильвии, но она взглянула на часы и снова приняла деловой вид.

– Так, мне пора. Нужно отдать капусту миссис Ламли, иначе она не успеет приготовить ее к обеду. Спасибо, что помогла мне собрать ее. И поговорили мы с тобой хорошо.

Синклер, верный своему слову, вернулся домой к чаю. После этого мы надели верхнюю одежду, свистом подозвали собак и отправились навестить Гибсонов.

Они жили в маленьком домике, приютившемся у подножия холма к северу от Элви, поэтому нам пришлось покинуть островок, пересечь главную дорогу и пойти по тропе, которая вилась между полем, поросшим травой, и болотистыми землями. Мы дважды пересекли ручеек, который вился под землей и нес свои воды в озеро Элви. Он брал свое начало где-то далеко и высоко в горах; долина, по которой он бежал, и холмы с каждой ее стороны являлись частью владения моей бабушки.

В прежние дни в этих местах часто устраивались охоты, в которых школьники выполняли роль загонщиков, а пожилые джентльмены взбирались по холмам на стрельбища на горных пони. Но теперь эта заболоченная местность сдавалась в аренду синдикату местных бизнесменов, которые проводили здесь всего два или три субботних дня в августе, а также порой приезжали сюда вместе с семьями на пикник или ловили рыбу в водах ручейка.

Когда мы приблизились к домику Гибсонов, мы услышали какофонию лая из собачьих будок и увидели, как на шум из открытой двери немедленно выбежала миссис Гибсон. Синклер помахал ей рукой и крикнул:

– Эй, это мы!

Миссис Гибсон тоже помахала в ответ, а затем поспешно скрылась в доме.

– Пошла поставить чайник? – предположила я.

– Или предупредить Гибсона, чтобы он вставил зубы.

– Это как-то недобро с твоей стороны.

– Зато правда.

Сбоку около дома был припаркован старый «лендровер». Полдюжины белых кур леггорнской породы что-то клевали у его колес. Рядом на веревке висело задеревеневшее на ветру бельё. Когда мы подошли к двери, миссис Гибсон снова появилась на пороге. Она успела снять фартук и теперь была в блузе с брошью на воротнике и улыбалась до ушей.

– О, мисс Джейн, вынисколючко не изменились! Я как раз говорила с Уиллом, и он то же самое мне сказал!.. А, мистер Синклер... Я и не знала, что вы тоже приехали.

– Взял отпуск на несколько дней.

– Проходите же, Гибсон как раз сел пить чай.

– Надеюсь, мы не помешали...

Синклер посторонился и пропустил меня вперед. Нагнув голову, я переступила через порог и прошла в кухню, где в камине ярко горел огонь. Гибсон поднялся из-за стола, заставленного угощением: лепешками, пирогами, маслом и джемом, чаем и молоком, сотовым медом. Также в кухне стоял сильный запах пикши.

– О, Гибсон, мы вам помешали...

– Вовсе нет, вовсе нет...

Он протянул мне руку, и я пожала ее. Она была сухой и грубой, как кора старого дерева. Без своей извечной твидовой шляпы Гибсон казался странным и немного чужим, таким же уязвимым, как полицейский без своей каски. Его лысую голову покрывали лишь несколько клоков седых волос. И я осознала, что из всех обитателей Элви он был единственным, кто по-настоящему постарел. Его глаза были бесцветными, подслеповатыми. Он похудел, ссутулился, а его голос утратил свою мужественную глубину.

– Да-да, мы слышали, что вы едете домой. – Он повернулся, когда вслед за нами в тесную комнатку вошел Синклер. – И Синклер тоже здесь!

– Здравствуйте, – сказал мой кузен.

Миссис Гибсон суежилась на кухне, пытаясь нас организовать.

– Он как раз пьет чай, Синклер, но вы садитесь, садитесь, Гибсон возражать не будет. А вы, Джейн, присядьте вот здесь, рядом с огнем, тут тепло и уютно... – (Я села так близко к пламени, что едва не зажарилась.) – Чашечку чая?

– Да, с удовольствием.

– И немножечко покушать. – Миссис Гибсон, проходя мимо мужа, положила руку ему на плечо и заставила снова опуститься на стул. – Сядь, дорогой, и доешь свою пикшу, мисс Джейн не против...

– Да, пожалуйста, доешьте.

Но Гибсон сказал, что уже наелся, и тогда миссис Гибсон выхватила у него из-под носа тарелку – так, словно это было что-то непотребное, – и отправилась к мойке наполнить чайник. Синклер отодвинул стул, стоявший у стола, и сел напротив Гибсона, глядя на старика поверх подставки для печенья с гальваническим покрытием. Он достал две сигареты и протянул одну егерю, а другую взял себе, а затем наклонился над столом и прикурил ее от спички.

– Как вы? – спросил он.

– О, неплохо... Лето выдалось чудесное, сухое. Я слышал, вы сегодня охотились на голубей, – как все прошло?

Они говорили, и, когда я смотрела на них сейчас – на крепкого молодого человека и старика, – у меня с трудом укладывалось в голове, что когда-то Гибсон был единственным, кого Синклер по-настоящему уважал.

Миссис Гибсон тем временем вернулась в кухню с двумя чистыми чашками – лучшими в доме, как я сразу поняла, – и поставила их на стол, а затем разлила чай и предложила нам лепешки, покрытые сахарной глазурью булочки и бисквит, но мы тактично отказались. Затем она устроилась у камина, и мы с ней очень мило побеседовали. В очередной раз услышав вопрос, что нового у моего отца, я вежливо ответила, а затем поинтересовалась, как поживают ее сыновья. Оказалось, что Хэмиш служит в армии, а Джорджу удалось поступить в Абердинский университет, где он изучал юриспруденцию.

– Но это же просто замечательно! – воскликнула я восхищенно. – А я и не знала, что он у вас такой умный!

– Он всегда был очень прилежным мальчиком... Любил читать...

– Так, значит, ни Хэмиш, ни Джордж не пойдут по стопам своего отца?

– Ох, у нынешней молодежи все по-другому. Разве ж им захочется провести всю свою жизнь на этих голых холмах под ненастным небом?.. Им такая жизнь кажется слишком спокойной. Да их и нельзя винить. Что ж это за жизнь для молодых людей в наши-то дни? Мы

еще как-то умудрились вырастить их, но сейчас денег здесь не заработаешь. Тем более что они могут получать в три раза больше, работая в городе, на заводе или в офисе.

– А Гибсон не против?

– Нет. – Миссис Гибсон с нежностью посмотрела на своего супруга, но тот был поглощен беседой с Синклером и не заметил этого взгляда. – Нет, он всегда хотел, чтобы они занялись тем, что им по душе, и выбились в люди... Он поддерживал Джорди от начала и до конца... И, кроме того, – добавила миссис Гибсон, бессознательно цитируя Барри, – нет ничего важнее, чем хорошее образование.

– У вас есть их фотографии? Я бы очень хотела посмотреть, какие они теперь.

Миссис Гибсон пришла в восторг от такой просьбы.

– Да, они рядом с моей кроватью. Пойду принесу их...

Она поспешила в свою комнату, и я услышала ее тяжелые шаги на маленькой лесенке, а затем наверху, у меня над головой. За моей спиной Гибсон говорил:

– Старые стрельбища в полном порядке... Их строили на века... Они просто малость заросли.

– А что птицы?

– Да-да, есть еще малость... Кстати, весной вот поймал пару лисиц с детенышами...

– А что насчет коров?

– Я не подпускаю их близко... А болото чудное, траву хорошо подпалило в начале сезона...

– Вам не кажется, что вы уже со всем этим не справляетесь?

– О, нет-нет, я еще достаточно крепок.

– Бабушка сказала, что прошлой зимой вы на неделю или две слегли в постель.

– Это была всего лишь обычная простуда. Захворал чуток... Доктор дал мне какое-то лекарство, и я сразу встал на ноги... Не нужно слушать женщин...

Миссис Гибсон, вернувшись с фотографиями, услышала эти слова.

– Что ты там болтаешь о женщинах?

– Все вы просто старые мокрые курицы, – сказал ее достойный супруг. – Поднимаете шум из-за какой-то чепухи...

– Ох, не такая уж это и чепуха... Мне пришлось держать его в постели какое-то время, – добавила она, невольно подтверждая слова Синклера. Мне же протянула фотографии. А сама продолжала говорить: – И я вовсе не уверена, что то была обычная простуда... Я настаивала, чтобы он сделал рентген, но он и слышать об этом не захотел.

– А вам бы не помешало провериться, Гибсон.

– Да у меня нет времени ехать в Инвернесс из-за всех этих глупостей... – И, явно не желая больше говорить о своем здоровье и показывая всем своим видом, что тема закрыта, он придвинул стул поближе ко мне и стал смотреть через мое плечо на фотографии своих сыновей: Хэмиша, крепкого с виду капрала, и Джорджа, позирующего в салоне фотографа. – Джорди в университете, миссис Гибсон вам сказала? Уже на третьем курсе, учится на юриста. Помните, как он помог вам построить шалаш на дереве?

– Он до сих пор цел, кстати, – сказала я. – Его еще не сдуло ветром.

– Джорди все делает хорошо. Мастер на все руки.

Мы еще немного поболтали, а затем Синклер отодвинул стул и объявил, что нам пора. Гибсоны вышли из дома проводить нас, и собаки, услышав голоса, вновь залились лаем. Мы все вместе направились к будкам проведать их. Собак было две, обе суки, одна золотистая, а другая черная. У первой была мягкая шерсть кремового окраса, томное выражение морды и темные, немного раскосые глаза.

– Она похожа на Софи Лорен, – заметила я.

– О да, – подтвердил Гибсон. – Она красавица. У нее как раз сейчас течка, поэтому завтра я везу ее в Бремор. Там, говорят, есть хороший кобель. Ну я и подумал: может, получится щенят-то заиметь.

Синклер поднял брови:

– Вы едете завтра? Во сколько?

– Буду выезжать около девяти.

– А какой прогноз на завтра? Какой будет день?

– Сегодня вечером поднимется ветер и разгонит облака. В выходные погоду обещают хорошую.

Синклер повернулся ко мне и улыбнулся:

– Что скажешь?

Я играла с собакой и почти не слушала, о чем они говорили.

– А?

– Завтра утром Гибсон собирается в Бремор. Он мог бы нас подбросить до Бремора, а оттуда мы бы прогулялись через Лейриг-Гру... – пояснил мне Синклер и обратился к Гибсону: – Вы сможете приехать вечером в Ротимурчус и подобрать нас там?

– Да, да, это можно. И во сколько примерно вы там будете?

Синклер задумался:

– Около шести? К этому времени мы, по идее, должны быть уже там. – Он снова посмотрел на меня. – Ну, что скажешь, Джейн?

Я никогда не была в Лейриг-Гру. Когда я была маленькой, туда каждое лето отправлялся кто-нибудь из Элви, и я тоже всегда мечтала пойти, но меня никогда не брали с собой, потому как считали, что у меня еще недостаточно крепкие ноги. Но теперь...

Я посмотрела на небо. Тучи, набежавшие с утра, так и не рассеялись, но по мере того, как угасал день, они начали постепенно превращаться в легкую дымку.

– А что, правда будет хороший день? – спросила я Гибсона.

– Да-да, и страсть какой теплый.

Мнения Гибсона мне было вполне достаточно.

– Да, я ужасно хочу туда пойти!

– Ну что ж, тогда решено. Значит, в девять утра у нас в доме? – сказал Синклер.

– Буду там, – пообещал Гибсон, и, поблагодарив супругов за чай и оставив их, мы направились вниз по холму и по мокрой дороге обратно в Элви.

Промозглый воздух был наполнен влагой, и под буками было очень темно. Внезапно мне стало ужасно грустно. Мне хотелось, чтобы ничего не менялось... Хотелось, чтобы все в Элви осталось как прежде, таким, как я помнила. Но, увидев Гибсона, так сильно состарившегося, я внезапно посмотрела в глаза реальности. Он был болен. Однажды он умрет. И при мысли о смерти в этот холодный сумеречный час я задрожала.

– Замерзла? – спросил меня Синклер.

– Нет, все в порядке. Просто день был долгий.

– Уверена, что хочешь поехать в горы завтра? Прогулка будет не из легких.

– Да, конечно, – зевнула я. – Нужно сказать миссис Ламли, чтобы она собрала нам с собой еды.

Мы вышли из-под буков, и неприступный северный фасад дома вырос перед нами на фоне неба. В окнах горел один-единственный огонек, желтый в синих сумерках. И я решила, что перед ужином приму горячую ванну, и тогда мне не будет холодно и грустно.

6

Я оказалась права. Плескаясь в мягкой шотландской воде, я задремала. Было еще рано, поэтому я нашла грелку в шкафчике ванной комнаты, наполнила ее горячей водой из-под крана и легла в постель. Целый час я пролежала в темноте с раздвинутыми занавесками, слушая бесконечные крики и гогот диких гусей.

После этого я снова оделась и, подумав, что неплохо было бы сделать мой первый вечер дома чем-то вроде праздничного события, заколола кверху волосы и накрашила глаза, как умела. Затем достала свой единственный вечерний наряд – черное с золотом кимоно из тяжелого шелка с вышивкой и золотистыми галунами. Мой отец увидел его в каком-то сомнительном китайском магазинчике на задворках Сан-Франциско и купил, поддавшись первому порыву.

В этом наряде я выглядела как какая-нибудь японская принцесса. Надев сережки, я побрызгалась духами и спустилась в гостиную. Я пришла даже рано, но это мне было и нужно. Лежа в постели, я придумала маленький план и собиралась немедленно воплотить его в жизнь.

Очаровательная гостиная моей бабушки, убранная к ужину, чем-то напоминала сцену перед представлением в театре. Бархатные занавеси на окнах были задернуты, подушки взбиты, журналы разложены, огонь в камине разведен. Комната мягко освещалась парой ламп, а пламя играло на медной каминной решетке и ведерке с углем и отражалось от любовно отполированной мебели. Повсюду были расставлены вазы с цветами и пепельницы, а на маленьком столике, который служил баром, выстроились бутылки и стаканы, а также стояли ведро со льдом и блюдечко с орехами.

В противоположной части комнаты, рядом с камином, был красивый резной шкаф выпуклой формы, с застекленными книжными полками наверху и тремя глубокими и тяжелыми ящиками внизу. Я подошла к нему и, отодвинув маленький столик, который мне мешал, опустилась на колени, чтобы открыть нижний ящик. Одна из ручек оказалась сломанной, а ящик был ужасно тяжелый. Я тщетно сражалась с ним, когда вдруг услышала звук открывающейся двери и кто-то вошел в комнату. Поняв, что все мои планы расстроены, я выругалась про себя, но не успела встать на ноги, как за моей спиной раздался знакомый голос:

– Добрый вечер.

Это был Дэвид Стюарт. Я обернулась и посмотрела на него через плечо. Он стоял прямо надо мной, неожиданно романтичный в темно-синем сюртуке.

Я была слишком удивлена, чтобы помнить о вежливости, поэтому ляпнула:

– А я и забыла, что вы должны приехать на ужин.

– Боюсь, я приехал слишком рано. Никого не увидев, решил войти в дом. Что вы делаете?

Ищете упавшую сережку или прячетесь от кого-то?

– Ни то ни другое. Я пытаюсь открыть этот ящик.

– Зачем?

– Раньше в нем были альбомы с фотографиями. Судя по его весу, я догадываюсь, что они все еще там.

– Дайте я попробую.

Я послушно отодвинулась в сторону. Согнув свои необыкновенно длинные ноги в коленях, Дэвид Стюарт присел на корточки рядом со мной, взялся за обе ручки ящика и осторожно выдвинул его.

– Это кажется совсем несложным, – заметила я. – Со стороны.

– Вы это искали? – спросил Дэвид, указав на содержимое ящика.

– Да.

В ящике лежали три альбома. Старые, распухшие, весом в тонну.

– Вы собирались погрузиться в ностальгию? Учитывая их размер, это может занять весь оставшийся вечер.

– Нет, конечно нет. Я только хочу найти фотографию отца Синклера... Я подумала, что здесь наверняка хранится какой-нибудь свадебный снимок.

Воцарилось непродолжительное молчание. Затем Дэвид спросил:

– С чего вы вдруг так заинтересовались Эйлвином Бейли?

– Ну, как это ни удивительно, я никогда не видела ни одной его фотографии. Бабушка вообще никогда не выставляла снимков. Я думаю, что и у нее в комнате нет ни одного... Во всяком случае, я такого не помню. Странно, не правда ли?

– Да я бы так не сказал. Зная вашу бабушку...

Я решила довериться ему:

– Мы с ней сегодня говорили о дяде. Она сказала, что он выглядел совсем как Синклер и был очень обаятельным. Сказала, что ему стоило только войти в комнату, как все женщины были буквально готовы упасть к его ногам. Я никогда особенно не интересовалась им в детстве... Для меня он был просто «отцом Синклера, живущим в Канаде». Но... Не знаю... Внезапно мне стало любопытно.

Я подняла первый альбом и открыла его, но снимки в нем были десятилетней давности, поэтому я опять залезла в ящик и вытащила тот, что лежал на самом дне. Это был красивый альбом в кожаном переплете, и все фотографии – пожелтевшие от времени и теперь цвета сепии – были расположены с геометрической точностью и подписаны белой краской.

Я пролистывала страницы одну за другой. Охоты и пикники, групповые снимки и студийные портреты на фоне раскрашенных декораций и комнатных пальм. Девочка в плюмаже и девчушка в черных чулках (моя мать), одетая цыганкой.

А затем я увидела свадебный снимок.

– Вот он!

Моя бабушка в величественном головном уборе, похожем на бархатный тюрбан, и в очень длинном платье. Мама с широкой улыбкой, как будто прилагающая все усилия, чтобы казаться веселой. Отец, молодой и стройный, чисто выбритый и со своим извечным страдальческим выражением на лице. Вероятно, воротничок очень ему жал. Неизвестная девочка – подружка невесты – и, наконец, сами невеста и жених: Сильвия и Эйлвин, с круглыми юными лицами, исполненными наивности и непосредственности. Сильвия с пухленькими темно-красными губками, а Эйлвин с заговорщической улыбкой на камеру и с таким выражением в своих полуприкрытых глазах, словно все это мероприятие кажется ему презабавнейшим фарсом.

– Ну, что скажете? – не выдержал Дэвид.

– Бабушка была права... Он такой же, как Синклер... Только волосы короче и по-другому пострижены, и вероятно, не такой высокий. А Сильвия, – протянула я, а про себя подумала, что она мне не нравится, – Сильвия бросила его меньше чем через год после того, как они поженились. Вы знали это?

– Да, знал.

– Поэтому Синклер вырос в Элви... Что вы делаете?

Дэвид искал что-то в задней части ящика.

– Вот еще, – наконец произнес он, достав стопку снимков в тяжелых рамках, которые спрятали в самый дальний угол, подальше от глаз.

– Что там? – Я тут же отложила альбом, который держала в руках.

Он перебирал их в руках.

– Еще одна свадьба. Догадываюсь, что вашей бабушки.

Эйлвин в один миг был забыт.

– О, дайте же мне посмотреть!

Мы перенеслись в годы Первой мировой войны, эпоху узких юбок и громадных шляп. Группа людей позировала на стульях, как члены королевской семьи; высокие воротники и пальто-визитки, а на лицах невероятно торжественное выражение. Моя бабушка – молодая невеста с пышной грудью – была в кружевном наряде, ее супруг казался одного с ней возраста. Несмотря на темную одежду и длинные усы, у него был веселый и беззаботный вид.

– Он кажется забавным, – сказала я.

– Думаю, таким он и был.

– А это кто? Вот этот старик с баками и в килте?

Дэвид заглянул через мое плечо:

– Вероятно, отец жениха. Не правда ли, он великолепен?

– Какой он был?

– Судя по всему, довольно интересный персонаж – называл себя Бейли из Кернихолла.

Их семейство с давних пор проживало в этих местах, и, согласно легенде, он обычно ужасно манерничал и строил из себя важную персону, в то время как на деле у него ни гроша за душой не было.

– А где отец моей бабушки?

– Вот этот впечатляющего вида джентльмен, я полагаю. Этот был совершенно из другого теста. Биржевой маклер в Эдинбурге. Он заработал много денег и умер богатым человеком. А ваша бабушка, – добавил Дэвид тоном профессионального юриста, – была его единственным ребенком.

– Вы хотите сказать, что она стала наследницей?

– Да, можно и так выразиться.

Я снова посмотрела на фотографию, на торжественные незнакомые мне лица предков, людей, благодаря которым я появилась на свет со всеми своими недостатками и маленькими талантами... Людей, которым я была обязана своим лицом, веснушками и светлыми нордическими волосами.

– Я никогда даже не слышала о Кернихолле.

– А вы и не должны были слышать. Он изветшал и пришел в такое запустение, что в конечном счете его снесли.

– Значит, моя бабушка никогда там не жила?

– Думаю, жила год или два и, вероятно, в самых ужасных условиях. Но когда ее муж умер, она переехала сюда, купила Элви и здесь вырастила своих детей.

– Значит... – начала я и осеклась. Я никогда особенно не задумывалась об этом и принимала как должное тот факт, что после смерти мужа бабушка осталась если и не богатой вдовой, то определенно хорошо обеспеченной. Но оказалось, что это было совсем не так. Элви, как и все в нем, был куплен за счет ее собственного наследства и принадлежал целиком и полностью ей. И получалось, что все это не имело никакого отношения к отцу Эйлвина.

Дэвид выжидающе смотрел на меня.

– Значит – что? – напомнил он наконец.

– Ничего. – Я смутилась. Вопрос денег всегда заставлял меня испытывать дискомфорт – черта, которую я унаследовала от своего отца, – и я поспешила сменить тему. – Кстати, откуда вы столько знаете обо всех этих людях?

– Я же веду дела семьи.

– А... Ясно.

Дэвид закрыл альбом с фотографиями.

– Вероятно, нам лучше убрать все это на место...

– Да, конечно. И, Дэвид... Я не хочу, чтобы бабушка узнала, что я задавала вам все эти вопросы.

– Я не скажу ей ни слова.

Мы положили альбомы и фотокарточки туда, откуда их достали, и задвинули ящик. Я поставила столик на прежнее место, а затем направилась к камину, нашла сигарету и прикурила ее от щепки. Распрямившись, я обнаружила, что Дэвид смотрит на меня. Ни с того ни с сего он сказал:

– Вы выглядите очень красивой. Шотландия явно идет вам на пользу.

– Спасибо, – ответила я.

Именно так хорошо воспитанные американские девушки должны отвечать, когда им делают комплимент. (Англичанки говорят нечто вроде: «О, неправда, я выгляжу просто ужасно» или «Как вы можете говорить, что вам нравится это платье? Оно же отвратительно», что, я уверена, может отбить у людей всякую охоту говорить комплименты.)

И потом, внезапно застенчившись и желая поскорее перевести разговор на другую тему, я предложила приготовить ему какой-нибудь напиток, а Дэвид сказал, что в Шотландии напитки не готовят, а разливают.

– Только не мартини, – возразила я. – Ты не можешь налить мартини, пока не приготовил его. Это же очевидно.

– Да, здесь вы правы. Хотите мартини?

Я задумалась.

– А вы знаете, как его готовить?

– Смею надеяться.

– Мой отец говорит, что только два человека во всей Британии могут приготовить настоящий мартини, и он – один из них.

– Тогда я, должно быть, второй. – Дэвид подошел к столику и засуетился над бутылками, льдом и лимонной цедрой. – Чем вы сегодня занимались?

Я рассказала ему обо всех событиях дня вплоть до того момента, как приняла горячую ванну, а затем легла в постель. В заключение я добавила:

– Вы никогда не догадаетесь, что мы запланировали на завтра!

– Не догадаюсь. Расскажите.

– Мы с Синклером собираемся на прогулку по Лейриг-Гру!

Это произвело впечатление, что мне польстило.

– В самом деле?!

– Да. Гибсон довезет нас до Бремора, а вечером встретит в Ротимурчусе.

– А какая завтра предвидится погода?

– Гибсон заверил нас, что чудесная. Он сказал, что ветер разгонит облака и будет «страсть как жарко».

Я смотрела на Дэвида и любовалась его загорелыми руками, темными, аккуратно подстриженными волосами и широкими плечами под мягким синим бархатом сюртука. Под влиянием импульса я спросила:

– Не хотите поехать с нами?

Он направился ко мне через комнату с двумя бокалами в руках, в которых искрился золотистый напиток со льдом.

– С огромным удовольствием поехал бы с вами, но завтра я весь день буду занят.

Я взяла бокал у него из рук и сказала:

– Ну, может, в другой раз.

– Да, возможно.

Мы улыбнулись друг другу, подняли бокалы и отпили. Мартини был восхитительным, прохладным и обжигающим одновременно.

– Я напишу отцу, что встретила второго эксперта по мартини, – заявила я, а затем вдруг кое-что вспомнила. – Дэвид, мне просто необходимо достать одежду...

Мой собеседник совершенно спокойно отреагировал на столь неожиданную перемену темы.

– Какую одежду? – невозмутимо отозвался он.

– Шотландскую. Свитеры и прочие теплые вещи. У меня есть деньги, которые дал мне отец, но они в долларовых купюрах. Вы не могли бы обменять их для меня?

– Да, разумеется, но куда вы собираетесь поехать за покупками? Кейпл-Бридж не назовешь модным центром севера.

– Я и не хочу ничего модного, мне просто нужны теплые вещи.

– В таком случае нет никаких проблем. Когда вы намерены отправиться за покупками?

– В субботу.

– Вы умеете водить машину вашей бабушки?

– Уметь-то умею, но мне не позволено. У меня нет британских прав... Но это не имеет значения, я сяду на автобус...

– Хорошо. Тогда приезжайте ко мне в офис – я объясню, как его найти, – и я отдам вам деньги, а затем, после того как вы запасетесь шерстяными вещами и если у вас не будет никаких планов, я угощу вас ланчем.

– Правда? – Я не ожидала такого поворота событий и пришла в восторг. – Где?

Дэвид задумчиво почесал затылок:

– Выбор невелик. Или бар «Краймонд армз», или мой дом, но моя экономка не приходит по субботам.

– Я умею готовить, – сказала я. – Вы купите что-нибудь, а я это приготовлю. В любом случае мне было бы интересно посмотреть, как вы живете.

– О, ничего особенного...

Но так или иначе я пришла в восторг от подобной перспективы. Я всегда считала, что нельзя утверждать, будто знаешь мужчину, пока не увидишь его дом, его книги, картины, то, как расставлена мебель. Пока мы были в Калифорнии и всю дорогу до Шотландии Дэвид казался милым и предупредительным, но того требовали правила приличия. До сих пор я видела только одну сторону его характера: вежливый, воспитанный, учтивый. А сегодня он помог мне найти фотографию, которую я мечтала увидеть, ответил с огромным терпением на все мои вопросы и, наконец, пригласил меня на ланч. Я поняла, что открываю в нем все новые грани, и мне ужасно хотелось думать, что он чувствует то же самое по отношению ко мне.

К концу ужина меня снова одолела усталость или сказывалась разница во времени – что бы это ни было, но, сославшись на насыщенный завтрашний день, я пожелала остальным спокойной ночи и отправилась в постель, где тут же крепко уснула.

Проснулась я немногим позже от завываний ветра, который предсказывал Гибсон. Ветер бился в стены дома, свистел под моей дверью, гнал по озеру маленькие волны, которые разбивались о причал и обрушивались на берег, покрытый галькой. И за всеми этими звуками ночи я слышала чьи-то голоса.

Я потянулась к часам, увидела, что еще нет полуночи, и снова прислушалась. Голоса становились все отчетливее, и тогда я поняла, что они принадлежат бабушке и Синклеру. Они прогуливались по лужайке под окнами моей комнаты – без сомнения, вывели собак на короткую прогулку вокруг дома, прежде чем запереть двери на ночь.

– ...Подумал, что он сильно постарел, – это был голос Синклера.

– Да, но что тут поделаешь?

– Отправь его на пенсию. Найми другого человека.

– Но куда они пойдут? Их мальчики еще не женаты, им негде приютить родителей. Кроме того, он прожил здесь почти пятьдесят лет... Столько же, сколько и я. Я не могу выпроводить его просто потому, что он стареет. Да он умрет через пару месяцев, если у него не будет работы!

Я с беспокойством осознала, что они говорят о Гибсоне.

– Но он уже не в состоянии выполнять свои обязанности.

– Послушай, с чего ты взял?

– Это очевидно. Он не справляется с ними.

– На мой взгляд, он вполне адекватно исполняет то, что от него требуется. От него же не ждут, что он будет проводить грандиозные охоты. Синдикат...

– Кстати, о синдикате, – перебил ее Синклер. – В высшей степени непрактично сдавать такое превосходное угодье одному или двум местным бизнесменам из Кейпл-Бридж. То, что они тебе платят, даже не покрывает расходов на содержание Гибсона.

– Эти один или два бизнесмена, Синклер, – мои друзья.

– Какое это имеет отношение к делу? Как мне кажется, мы тут занимаемся чем-то вроде благотворительности.

Повисла пауза, а затем моя бабушка холодно поправила его:

– Чем-то вроде благотворительности тут занимаюсь я.

Ее ледяной тон сразу же заставил бы меня замолчать, но Синклер оказался невосприимчив к нему. Интересно, подумала я, он расхрабрился так благодаря изрядному количеству бренди, выпитому после ужина?

– В таком случае, – продолжал он, – предлагаю тебе прекратить это делать. Сейчас же. Отправь Гибсона в отставку и продай угодье или по крайней мере сдавай его тому синдикату, который в состоянии платить разумную ренту...

– Я уже сказала тебе...

Их голоса становились все слабее. Они удалялись, по-прежнему увлеченные этим спором; потом зашли за угол дома, и я уже не могла разобрать ни слова. Я поняла, что неподвижно лежу в постели, сожалея о том, что мне пришлось услышать слова, очевидно не предназначенные для моих ушей. От самой мысли, что они ссорились, мне становилось плохо, но хуже всего было то, из-за чего вспыхнула эта ссора.

Гибсон. Я вспомнила, каким он когда-то был: сильным и неутомимым, настоящим кладом житейской мудрости и местного фольклора. Вспомнила, как он с бесконечным терпением учил Синклера стрелять и ловить рыбу, отвечал на все его вопросы, позволял нам ходить за ним по пятам, как парочке щенят. И миссис Гибсон, которая баловала и ласкала нас, покупала нам сладости и кормила горячими лепешками из своей духовки, с которых капало крепкое желтое масло ее собственного приготовления.

Я никак не могла увязать прошлое с настоящим: Гибсон, каким я его помнила, и старик, которого я видела сегодня. И еще труднее мне было осознать, что не кто иной, как мой двоюродный брат Синклер, предлагал избавиться от Гибсона, словно это был вонючий старый пес, которого настало время усыпить.

7

Я проснулась, разбуженная какой-то подсознательной тревогой. Было уже утро. Я потянулась и, открыв глаза, увидела мужчину, который стоял в ногах моей кровати и наблюдал за мной с насмешливым видом. Я испуганно вскрикнула и резко села. Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди. Но это оказался всего лишь Синклер – он пришел будить меня.

– Сейчас уже восемь часов, – сказал он. – Мы выезжаем в девять.

Я, все так же сидя, протерла глаза и заставила себя успокоиться.

– Ты ужасно испугал меня.

– Прости, я не хотел... Я как раз собирался тебя разбудить...

Я снова подняла глаза и на этот раз без страха взглянула на знакомую фигуру Синклера. Он стоял у моей постели со скрещенными на груди руками, а в глазах у него поблескивали веселые искорки. На нем был полинявший килт и большой ребристый свитер, а на шее повязан шарф. Он выглядел ухоженным, и от него восхитительно пахло кремом после бритья.

Я встала на колени и высунулась в открытое окно, чтобы посмотреть, какая там погода. На улице было чудесно: ярко, ясно, холодно, а небо казалось безоблачным. Я изумленно произнесла:

– Гибсон был прав!

– Разумеется, он был прав. Он всегда прав. Ты слышала, какой поднялся ветер ночью? И подморозило. Скоро все листья с деревьев опадут.

Озеро, в котором отражалось голубое небо, было сплошь покрыто рябью. Туман отступил, и теперь за озером на горизонте отчетливо вырисовывались горы, покрытые огромными пятнами фиолетового вереска. В кристально чистом утреннем воздухе можно было разглядеть каждый утес, каждую расселину и уступ, вплоть до самых подпирающих небо вершин.

Нельзя было не воспрянуть духом при виде такой красоты.

Все сомнения и страхи ночи рассеялись вместе с темнотой. Да, я услышала то, что не было предназначено для моих ушей. Но в ясном свете утра мне начинало казаться, что я, возможно, ошиблась, неправильно все поняла. В конце концов, я не слышала ни начала этого разговора, ни его окончания... Не стоит делать какое-либо заключение, когда располагаешь только половиной фактов.

Отбросив тревоги, я испытала такое облегчение, что внезапно почувствовала себя невероятно счастливой. Я спрыгнула с кровати и в ночной рубашке пошла искать одежду, а Синклер, убедившись в том, что его миссия выполнена, отправился вниз завтракать.

Мы ели в кухне, где было тепло и уютно от раскаленной плиты. Миссис Ламли пожарила сосиски, и я съела четыре, а также выпила две огромные чашки кофе. Окончив завтрак, я отыскала старый рюкзак, куда мы уложили ланч: бутерброды, шоколад, яблоки и сыр.

– Вам нужен термос? – осведомилась миссис Ламли.

– Нет, – ответил ей Синклер, который все еще жевал тост с мармеладом. – Хотя положите туда пару пластмассовых кружек – тогда мы сможем попить из реки.

Снаружи послышался гудок автомобиля, и вскоре в заднюю дверь вошел Гибсон. Он был в своем мешковатом твидовом костюме зеленоватого оттенка, а бриджи казались широченными на его тощих икрах. На голове у старика была старая твидовая шляпа.

– Вы готовы? – спросил он, очевидно не ожидая утвердительного ответа.

Но мы были готовы. Мы взяли непромокаемые куртки с капюшонами и рюкзак с провизией, попрощались с миссис Ламли и вышли на улицу. Утро и впрямь было великолепное. Я втягивала носом обжигающе холодный воздух, и он проникал в легкие, наполняя меня энер-

гией. Я была готова к свершениям и ощущала в себе такую силу, что, казалось, могла перепрыгнуть через дом.

– Разве мы не счастливики? – радостно воскликнула я. – Посмотрите только, какой сегодня чудесный день!

– Что верно, то верно, – изрек Гибсон, и это было самым восторженным комментарием, который мог выдать из себя старый шотландец.

Мы забрались в «лендровер». Впереди хватило бы места для всех троих, но собака Гибсона явно нервничала, поэтому я решила составить ей компанию и уселась назад вместе с ней. Вначале она скулила и вела себя очень беспокойно, но через некоторое время привыкла к подпрыгиваниям и раскачиваниям автомобиля и улеглась спать, опустив свою пушистую голову на мой ботинок.

Гибсон поехал в Бремор через Томинтоул. Наш путь пролегал к югу через горы; около одиннадцати утра мы спустились в золотистую, освещенную солнцем долину реки Ди. Река вздулась; глубокая и прозрачная, как коричневое стекло, она вилась через поля и фермерские земли и обширные сосновые рощи. Мы достигли Бремора, проехали прямо через него и, оставив позади, продолжали двигаться вперед. Преодолев еще около трех миль, мы оказались у моста, который пересекает реку и ведет к Мар-лодж.

Там мы остановились и все вылезли из машины. Собаке нужно было немного побегать, а Гибсон тем временем пошел за ключом от ворот лесного хозяйства. Затем мы отправились в бар, где Синклер с Гибсоном выпили по бокалу пива, а мне принесли стакан сидра.

– Сколько еще ехать? – осведомилась я.

– Мили четыре, – последовал, как всегда, лаконичный ответ Гибсона. – Но дорога страсть какая плохая, поэтому лучше тебе сесть вперед, с нами.

Итак, я оставила собаку в одиночестве, а сама села на переднее сиденье, между двумя мужчинами. Дорогу сложно было вообще назвать дорогой – это была просто расчищенная бульдозером тропа, изрытая глубокими колеями. Ею пользовалась Комиссия по лесоводству. Мы то и дело встречали на своем пути группы работающих лесников с гигантскими цепными пилами и тракторами. Мы махали им, и они махали нам в ответ, а иногда им приходилось убирать свои грузовики с дороги, чтобы мы могли проехать. Воздух был наполнен запахом сосен. Когда мы наконец добрались до маленькой сторожки, где останавливались альпинисты и туристы, отправлявшиеся в горы по выходным дням, и вышли из «лендровера», расправляя затекшие и ноющие конечности, кругом царил непередаваемая, ничем не нарушаемая тишина. Нас окружали леса, болота и горы, и только отдаленное журчание воды и поскрипывание сосен высоко над нами нарушали это безмолвие.

– Я встречу вас у Лох-Морлих, – сказал нам Гибсон. – Успеете добраться туда к шести часам?

– Если не успеем, подождите нас. А если не объявимся дотемна, звоните в службу спасения в горах. – Синклер улыбнулся. – Мы не будем сворачивать с тропы, поэтому найти нас не составит труда.

– Будь осторожнее, не подверни ногу, – предостерег меня Гибсон. – Хорошего вам дня.

Мы поблагодарили старика. Он сел в машину, развернулся и поехал обратно по той же дороге, которой мы сюда прибыли. Мы провожали его взглядом, пока он не исчез из виду. Наконец звук мотора растаял в утреннем воздухе. Я посмотрела на небо и подумала, не в первый раз, что нигде на свете не увидишь такого неба, как в Шотландии... широкое и бескрайнее, оно кажется бесконечным. Над нами пролетела пара кроншнепов, а в отдалении я слышала блеяние овец. Синклер взглянул на меня сверху вниз и улыбнулся.

– Пойдем? – сказал он.

И мы отправились в путь. Синклер шел впереди и показывал дорогу, а я следовала за ним. Тропа проходила вдоль ручейка, скрытого в камышовых зарослях. Через некоторое время

мы вышли к уединенной овцеводческой ферме с деревянными загонами, и собака, выскочив из своей конуры, залаяла на нас. Мы продолжили идти и вскоре оставили ферму позади, а собака наконец вернулась в свою будку. Вновь воцарилась тишина. По пути время от времени встречались группки цветущих колокольчиков, огромные фиолетовые чертополохи и темные пятна вереска, над которыми жужжали пчелы. Солнце взбиралось все выше по небосклону, и мы сняли свитеры и повязали их на талии. Дорога стала подниматься по склону холма, нам то и дело приходилось перелезать через поваленные деревья. Синклер, который по-прежнему шел впереди меня, начал насвистывать что-то себе под нос. Я вспомнила эту мелодию: «Свадьба Мэри»; мы пели ее в детстве после чая в гостиной, а бабушка аккомпанировала нам на пианино.

Мы шагаем по дорогам Друг за другом, нога в ногу, Рука об руку, ряд в ряд – Все на свадьбу Мэри.

Мы подошли к мосту и увидели водопад. Он был не бурый, как я ожидала, а зеленый, цвета китайского нефрита. Поток воды обрушивался с высоты в двадцать футов или больше в котлообразное углубление в скале. Мы стояли на мосту и смотрели на то, как вода, яркая и прозрачная, как драгоценный камень, пронизанная солнечным светом, падала в бурлящий бассейн, над которым повисла миниатюрная радуга. Я никогда в жизни не видела ничего прекраснее. Стараясь перекричать шум воды, я спросила:

– Откуда такой цвет? Почему вода не коричневая?

Синклер объяснил мне, что ручей берет начало прямо в известняковых горах, и потому вода не пропитана торфом, как в долине, где она протекает через торфяные болота. Мы постояли у водопада еще немного, а затем Синклер сказал, что нам нельзя больше терять время, и мы продолжили путь.

Для поднятия боевого духа мы снова стали петь, устроив состязание – кто помнит больше слов. Мы спели «Дорогу на острова», «К западу, домой» и «Пойдем со мной». Последняя песня как нельзя лучше годилась для походного марша. А вскоре тропа, по которой мы шли, круто взвилась вверх по склону огромной горы, и мы перестали петь, потому что нам и без того не хватало дыхания. Земля была густо изрыта старыми корнями вереска и оказалась очень рыхлой, с каждым шагом мы проваливались в грязь. У меня начали болеть ноги и спина; я чувствовала, что задыхаюсь. Хотя я ставила себе цель, что дойду до следующей вершины, за ней всегда оказывалась еще одна и еще. Я совсем приуныла.

А потом, как раз в тот момент, когда я готова была окончательно отчаяться и оставить всякую надежду куда-либо дойти, перед нами появилась отвесная скала в форме черного клыка. Ее зазубренный кончик разрывал синеву неба, а далеко внизу лежала узкая коричневая долина.

Я остановилась и, показав на эту скалу, спросила:

– Синклер, что это?

– Пик Дьявола.

У него была карта. Мы сели, развернули ее и расправили против ветра. На ней мы идентифицировали окружавшие нас горные вершины. Бен-Вроттен, Керн-Тоул, Бен-Макдуи и длинный хребет, который вел к Кернгормскому плато.

– А эта долина?

– Глен-Ди.

– А маленький ручей?

– Маленький ручей, как ты выразилась, – это и есть сама могучая река Ди. В своих истоках, конечно.

Мне и в самом деле казалось странным, что этот скромный поток и великая река, которую мы видели утром, – одно и то же.

Мы съели немного шоколада и снова пустились в путь, на этот раз, слава богу, вниз под гору. Теперь мы вышли на длинную тропу, которая вела к самому Лейриг-Гру. Тропа извива-

лась впереди нас небрежной белой лентой через коричневую траву и отлого поднималась к далекой точке на горизонте, где горы и небо, казалось, встречались. Мы шли, и пик Дьявола возвышался впереди нас, а затем над нами и в конце концов остался позади. Мы были одни – совершенно, абсолютно одни. Нам не встречались ни кролики, ни зайцы, ни олени, ни куропатки, ни орлы – ни одно живое существо. Ничто не нарушало тишину, только мерные звуки наших шагов и насвистывание Синклера.

Много сельди и еды, Много торфа и воды, Много шумной детворы – Вот наш тост для Мэри!

Внезапно я увидела дом – это была каменная лачуга, приютившаяся у подножия холма на противоположном берегу реки.

– Что это там? – спросила я.

– Там укрываются альпинисты или обычные туристы, как мы с тобой, когда погода портится.

– Как у нас со временем?

– Пока успеваем, – ответил Синклер.

Еще какое-то время я шла молча, а потом призналась ему:

– Я проголодалась.

Синклер посмотрел на меня через плечо и улыбнулся.

– Вот дойдем до той лачуги, – пообещал он, – и поедим.

Чуть позже мы лежали, растянувшись на густой траве. Синклер вместо подушки положил под голову свой свитер, а я легла затылком ему на живот. Я смотрела в пустое синее небо и думала, что быть двоюродными родственниками довольно странно, – время от времени мы были близки, как родные брат с сестрой, но порой между нами чувствовалось какое-то напряжение. Наверное, это потому, что мы уже не дети... Потому, что Синклер казался мне необычайно привлекательным, – и все же это не полностью объясняло то инстинктивное отчуждение, которое я испытывала, словно где-то в подсознании у меня прозвенел тревожный звоночек.

Муха или мошка – в общем, какой-то жучок сел на мое лицо, и я смахнула его. Насекомое, отлетев, через несколько мгновений приземлилось на меня снова. Я сказала:

– Черт тебя поberi!

– Черт поberi – кого? – послышался сонный голос Синклера.

– Да муху.

– Где?

– На носу у меня.

Он опустил руку, чтобы отогнать муху. Его пальцы легли на мой подбородок и остались там.

– Если мы уснем, – пробормотал он, – то разбудит нас Гибсон и вся команда спасателей в полном сборе, которые не преминут прочесать тропу, чтобы найти нас.

– Мы не уснем.

– Почему ты так уверена?

Я не ответила; я не могла сказать ему о своем внутреннем напряжении, о том, как что-то сжималось у меня в животе от прикосновения его руки... Я не понимала, что именно было тому причиной: сексуальное желание или страх? Страх – это слово казалось совсем неприменимо к Синклеру, но теперь в подсознании у меня всплыл разговор, который я услышала ночью, и мои мысли снова устремились в это русло и закрутились, как собака над старой и безвкусной костью. Я сказала себе, что мне непременно следовало поговорить с бабушкой сегодня утром, прежде чем уезжать. Одного взгляда на ее лицо мне было бы достаточно, чтобы понять истинное положение дел. Но бабушка так и не спустилась в гостиную до нашего отъезда, а раз она спала, то я не хотела ее будить.

Я нервно вздрогнула, и Синклер спросил:

– В чем дело? Ты как натянутая струна. Тебя, должно быть, что-то мучает. Какое-то тайное переживание или, может, чувство вины?

– Из-за чего же мне чувствовать себя виноватой?

– Это ты мне расскажи. Вероятно, из-за того, что ты бросила папочку?

– Отца? Ты шутишь.

– Хочешь сказать, что ты была счастлива, когда наконец стряхнула с пяток калифорнийскую пыль?

– Вообще нет. Но отец в настоящий момент ни в чем не нуждается, поэтому мне не из-за чего испытывать чувство вины.

– Тогда, должно быть, что-то другое. – Подушечка его большого пальца легко скользнула по моей щеке. – Я знаю, здесь наверняка замешан страдающий от безнадежной любви юрист.

– Кто?! – Мое изумление было искренним.

– Юрист. Сама знаешь, хитрая Ранкеллур.

– Ты ничего не добьешься, цитируя Роберта Льюиса Стивенсона... Я по-прежнему не понимаю, о ком ты говоришь.

Но я, разумеется, понимала.

– О Дэвиде Стюарте, моя милая. Ты разве не заметила, что вчера вечером он просто не мог оторвать от тебя глаз? Он смотрел на тебя в течение всего ужина, с эдаким сладострастным блеском в глазах. Должен признать, что ты вчера была действительно лакомым кусочком. Где ты взяла этот роскошный восточный наряд?

– В Сан-Франциско... Что за глупости ты говоришь?

– И вообще не глупости... Тут и слепому видно. А тебе улыбается мысль быть любовницей старика?

– Синклер, он не старик.

– Я предполагаю, что ему лет тридцать пять. Но он такой надежный, моя дорогая. – В голосе Синклера появились медовые нотки, как у какой-нибудь престарелой дамочки. – И такой хороший молодой человек.

– Ты все глумишься.

– Да, я такой. – И, не меняя тона, он добавил: – Когда ты возвращаешься в Америку? Этот вопрос застал меня врасплох.

– А что?

– Просто интересно.

– Через месяц.

– Так скоро? Я надеялся, что ты останешься. Покинешь отца ипустишь корни в родном, так сказать, краю.

– Я слишком сильно люблю отца и не смогу его бросить. Да и потом, чем бы я тут занималась?

– Устроилась бы на работу...

– Ты говоришь совсем как бабушка. Но я не могу устроиться на работу, потому что я совершенно ничего не умею.

– Ты могла бы работать секретаршей.

– Нет, не могла бы. Всякий раз, когда я пытаюсь печатать, я делаю уйму ошибок.

– Ты могла бы выйти замуж...

– Но я никого не знаю...

– Ты знаешь меня, – вдруг сказал Синклер.

Его палец, поглаживающий мою щеку, застыл. Через некоторое время я села и, повернувшись, посмотрела на него. Его глаза были голубее, чем само небо, но в них абсолютно ничего нельзя было прочесть.

– Что ты сказал?

– Я сказал: «Ты знаешь меня». – Он протянул руку и сжал мое запястье, легко обхватив его своими пальцами.

– Ты же не серьезно.

– Разве? Ну хорошо, тогда давай представим, что я серьезно. Что бы ты сказала?

– Ну, прежде всего, это был бы практически инцест.

– Чушь собачья.

– И почему я? – Мало-помалу этот разговор начинал мне нравиться. – Ты же всегда считал меня простой, как дважды два четыре, ты мне сам об этом говорил...

– Но теперь все по-другому. Ты теперь не простая. Ты превратилась в прекрасную викингшу...

– ...И у меня нет никаких способностей. Я даже не умею составлять букеты.

– А за каким чертом мне нужно, чтобы ты составляла букеты?

– И вообще, мне порой кажется, что у тебя толпы поклонниц по всей стране, которые сохнут по тебе и мечтают, что однажды наступит день, когда ты предложишь им стать миссис Синклер Бейли.

– Может, и так, – ответил Синклер с приводящим в бешенство самодовольством. – Но мне они не нужны. Мне нужна ты.

Я задумалась над этим и, как ни странно, нашла эту мысль интригующей.

– И где бы мы жили?

– В Лондоне, конечно.

– Но я не хочу жить в Лондоне.

– Ты сумасшедшая. Только там и можно жить. Все происходит там.

– Мне нравится за городом.

– Мы будем ездить за город по выходным – я сейчас так и делаю, – навещать друзей...

– И чем бы мы занимались?

– Отдыхали бы. Плавали бы на лодке, возможно. Ходили бы на скачки.

Я насторожилась:

– На скачки?

– Ты когда-нибудь была на скачках? Это же самая восхитительная вещь на свете! – Синклер приподнялся на локтях так, что теперь его глаза были на одном уровне с моими. – Я что, уговариваю тебя?

– Есть одно маленькое обстоятельство, о котором ты еще не упомянул, – сказала я.

– И что же это?

– Любовь.

– Любовь? – Синклер улыбнулся. – Но, Джейни, разумеется, мы с тобой любим друг друга. Всегда любили.

– Но это другое.

– Как это – другое?

– Я не смогу объяснить тебе, если ты сам еще не понял.

– И все-таки попробуй.

Я сидела в тревожном молчании. Да, я понимала, что в каком-то роде Синклер прав. Я всегда его любила. В детстве он был самым главным для меня человеком. Но что я чувствовала по отношению к мужчине, которым он стал? Я не знала. Опасаясь, что он прочтет все это на моем лице, я опустила глаза и стала рвать жесткую траву, вырывая пучки с корнями, а затем пуская их по ветру.

– Я думаю, – наконец заговорила я, – все дело в том, что мы оба изменились. Ты стал другим человеком. И я теперь фактически американка...

– О Джейни, брось...

– Нет, это правда. Я выросла там, получила там образование... Тот факт, что у меня до сих пор британский паспорт, ничего не меняет. Не меняет моего отношения ко многим вещам...

– Ты сбиваешь меня с толку. Сама-то понимаешь?

– Да, вероятно, так и есть. Но не забывай, что весь этот разговор в любом случае гипотетический... Мы просто обсуждаем в качестве предположения...

Он сделал глубокий вдох, словно для того, чтобы что-то возразить, а затем, казалось, передумал и снова свел все к шутке:

– Мы могли бы просидеть здесь весь день, не правда ли, и «солнце утомить беседой»¹.

– Разве нам не пора идти?

– Да, нам предстоит одолеть еще по меньшей мере десять миль. Но мы уже и так прошли немалый путь – и, для сведения, эта ремарка должна пониматься двусмысленно.

Я улыбнулась. Внезапно Синклер обнял меня рукой за шею и, притянув к себе, поцеловал прямо в открытый улыбающийся рот.

Где-то в глубине души я ожидала этого, но тем не менее моя собственная реакция стала для меня сюрпризом. Меня охватила паника. Я замерла в его объятиях и, когда он наконец отстранился, еще мгновение не шевелилась, словно оцепенев, а затем начала складывать в рюкзак бумагу, в которую были завернуты сэндвичи, и красные пластиковые чашки. Внезапно наша уединенность показалась мне пугающей; я будто смотрела сверху на нас – крошечных, как муравьи, единственных живых существ в этом глухом и заброшенном месте – и гадала, зачем Синклер устроил поход в Лейриг-Гру. Специально для того, чтобы начать этот в высшей степени странный разговор, или же мысль о женитьбе взбрела ему в голову под влиянием мимолетного порыва?

– Синклер, нам правда уже пора, – сказала я. – Мы должны идти.

Он посмотрел на меня задумчивым взглядом и улыбнулся:

– Да.

А затем поднялся, взял рюкзак у меня из рук и направился снова впереди меня вверх по тропе, ведущей к видневшемуся вдали проходу через горы.

Мы вернулись домой до наступления темноты. Последние несколько миль я шла почти вслепую, машинально переставляя ноги и не решаясь остановиться, ибо если бы остановилась хоть на минуту, то уже не заставила бы себя продолжить путь. Когда мы наконец добрались до последнего изгиба дороги и сквозь деревья я увидела мост и ворота, а на дороге за ними Гибсона и его «лендровер», мне с трудом верилось в то, что мы действительно дошли. У меня болел каждый мускул в теле. Я прошагала последние несколько ярдов, перелезла через ворота и упала в машину. Когда я попыталась прикурить сигарету, то обнаружила, что мои руки дрожат.

Мы ехали домой в синих сумерках. На востоке в небе низко висел крошечный месяц, бледный и тонкий, как ресничка. Фары автомобиля прощупывали дорогу. Перед нами пронесся испуганный кролик, а потом, как две бусины, сверкнули глаза бродячей собаки. Мужчины разговаривали через меня, а я сползла на сиденье и молчала от усталости, которая была не только физической.

Той ночью меня разбудил телефон. Его пронзительный звонок врезался в мое подсознание и вытащил меня из сна, как рыбу на крючке. Я не представляла, сколько было времени, но, повернув голову, увидела, что месяц висит над озером, отражаясь в черной глади воды маленькими серебристыми мазками.

Телефон продолжал звонить. Я вылезла из кровати, в полубессознательном состоянии протащила по комнате и вышла на темную лестницу. Телефон стоял внизу в библиотеке, но

¹ Из поэмы Уильяма Джонсона Кори «Геркулит». – *Здесь и далее примеч. перев.*

наверху в конце коридора, который вел в старые детские комнаты, был параллельный аппарат. К нему-то я и направилась.

В какой-то момент во время моего сомнамбулического путешествия телефон, похоже, перестал звонить, но я была слишком сонной, чтобы это заметить. Когда я протянула руку к аппарату и подняла трубку, чей-то голос уже говорил на линии. Женский голос, незнакомый мне, но мягкий и приятный.

– ...Конечно, я уверена. Сегодня днем я была у доктора, и он говорит, что сомнений нет никаких. Послушай, я думаю, что нам нужно обсудить это... Я хотела бы увидеть тебя, но не могу вырваться...

Отупело слушая это, я подумала, что телефонные линии пересеклись. Телефонистка на станции Кейпл-Бридж что-то перепутала или заснула, или еще что-нибудь случилось. Звонили не нам. Я чуть было не заговорила, когда вдруг услышала мужской голос, и сон как рукой сняло.

– Это действительно так срочно, Тесса? Это не может подождать?

Голос Синклера.

– Ну разумеется, срочно... Нельзя терять время... – почти умоляюще произнесла его собеседница, а затем уже не так спокойно, как будто она была близка к истерике, добавила: – Синклер, пойми, я беременна...

Я как можно осторожнее положила трубку на рычаг. Послышался едва уловимый щелчок, и голоса исчезли. Какое-то время я стояла в темноте, дрожа, а затем повернулась и направилась обратно к лестничному пролету. Там я перегнулась через перила и прислушалась. Подо мной зияла черная пропасть холла. Дом спал, но из-за закрытой двери библиотеки доносился приглушенный и такой знакомый голос Синклера.

Мои ноги заледенели. Покрывшись мурашками от холода, я вернулась к себе в комнату, бесшумно закрыла дверь и забралась в постель. Вдруг раздался одиночный звонок телефона, и я поняла, что разговор закончился. Вскоре после этого Синклер тихо поднялся вверх. Я слушала, как он ходит по своей комнате, открывая и закрывая ящики. Затем он снова вышел и спустился по лестнице. Входная дверь отворилась и затворилась снова, а через несколько мгновений я услышала, как взревел мотор «лотуса». Автомобиль покатило прочь по подъездной аллее, а затем выехал на главную дорогу, и звук растворился вдали.

Я поняла, что меня всю трясет, – такого со мной не случалось с самого детства, когда я просыпалась от кошмара, уверенная в том, что в шкафу сидят привидения.

8

На следующее утро, когда я спустилась в гостиную, моя бабушка уже сидела за столом и завтракала.

Когда я наклонилась поцеловать ее, она сказала:

– Синклер уехал в Лондон.

– Откуда ты знаешь?

– Он оставил мне записку в холле...

Бабушка извлекла ее из стопки корреспонденции и протянула мне. Синклер набросал несколько строк на толстой бумаге с выгравированной наверху надписью: «Элви». Почерк был решительным и четким и как нельзя лучше отражал его характер.

Мне ужасно жаль, но я вынужден поехать на юг. Меня не будет день или два. Вернусь в понедельник вечером или во вторник утром. Береги себя в мое отсутствие и постарайся не попасть в неприятности.

С любовью, Синклер

Я отложила письмо, и бабушка сказала:

– Вчера ночью, где-то в половине первого, звонил телефон. Ты слышала?

Я пошла налить себе кофе, воспользовавшись этим как предлогом для того, чтобы не встречаться с ней взглядом.

– Да, слышала.

– Я собиралась поднять трубку, но потом подумала, что это наверняка звонят Синклеру, поэтому не стала подходить.

– Да... – Я вернулась к столу с полной чашкой. – И... И часто с ним так бывает?

– Случается. – Бабушка разбирала какие-то счета. Я вдруг подумала, что она, так же как и я, стремилась чем-то себя занять. – Он живет полной жизнью. И потом эта работа, судя по всему, отнимает у него уйму времени... Это не то же самое, что сидеть в офисе с девяти до пяти.

– Да, похоже. – Кофе был горячим и крепким, и напряжение понемногу оставляло меня. Почувствовав себя несколько лучше, я храбро сказала: – Наверно, какая-нибудь подружка звонила.

Бабушка стрельнула в меня пронзительным синим взглядом. Но ответила только:

– Да, вероятно.

Я положила локти на стол и постаралась говорить как можно непринужденнее:

– Мне кажется, у него этих подружек было не меньше сотни. Синклер по-прежнему самый привлекательный мужчина из всех, кого я знаю. Он когда-нибудь привозил их с собой? Знакомил тебя с кем-нибудь?..

– О, иногда, когда я ездила в Лондон... Он приводил их на ужин, или мы ходили вместе в театр...

– Как думаешь, он на ком-нибудь собирается жениться?

– Никогда не знаешь наверняка. – Ее голос был холодным, почти равнодушным. – Жизнь, которую он ведет в Лондоне, сильно отличается от той, которой он живет здесь. Элви – нечто вроде дома отдыха для Синклера... Тут он просто бездельничает. Я думаю, что он очень рад возможности убежать от всех этих вечеринок и представительских ланчей.

– Так у него не было никого... особенного? Кого-то, кто тебе понравился?

Бабушка отложила письма:

– Была одна девушка.

Она сняла очки и стала смотреть в окно – вдаль, туда, где за садом серебрилось синее озеро, залитое солнечным светом. Стоял еще один чудесный осенний день.

– Он познакомился с ней в Швейцарии, где катался на лыжах. Я думаю, они часто виделись, когда она вернулась в Лондон.

– На лыжах? – спросила я. – Не оттуда ли та фотография, которую ты мне прислала?

– Разве? О да, с Нового года в Церматте. Там они и познакомились. Я так поняла, что она участвовала в каких-то соревнованиях, в международных вроде...

– Она, должно быть, хорошо катается на лыжах?

– О да. Она весьма знаменита...

– Так ты видела ее?

– Да, Синклер как-то летом привез ее на ланч в «Коннот», когда я была в Лондоне. Она показалась мне очаровательной.

Я взяла тост и принялась намазывать его маслом.

– Как ее зовут?

– Тесса Фарадей... Ты, вероятно, о ней слышала.

Да, я о ней слышала, но не в том смысле, который имела в виду моя бабушка. Я посмотрела на тост, который намазывала маслом, и внезапно почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

После завтрака я снова поднялась наверх, достала свою складную рамку с семейными фотографиями и вытащила оттуда тот самый новогодний снимок, который когда-то прислала мне бабушка и который я расположила таким образом, что виден был только Синклер, а его спутницу закрывала другая фотография.

Но теперь меня интересовала именно она, Тесса. Взглянув на фотографию, я увидела миниатюрную худенькую девушку с темными глазами. Она улыбалась, ее волосы были убраны с лица и перехвачены лентой, а в ушах сверкали толстые золотые кольца. На ней был вельветовый брючный костюм с вышитой каймой. Синклер обнимал ее, и они были оба опутаны праздничным серпантинном. Тесса казалась веселой и полной энергии, очень счастливой, и, вспомнив ее взволнованный голос в трубке, я внезапно испугалась за нее.

Тот факт, что Синклер сразу же поехал в Лондон, – вероятно, чтобы увидеться с Тессой, – должен был успокоить меня, но почему-то этого не произошло. Его отъезд был слишком стремительным и деловым, он не потрудился поставить в известность бабушку и меня. Я невольно вспомнила о его отношении к Гибсону, вспомнила, как в разговоре с бабушкой Синклер настаивал на увольнении старого егеря, и поняла, что подсознательно я все время находила ему оправдания.

Но теперь все было по-другому. Мне пришлось взглянуть правде в глаза. Слово «безжалостный» мелькнуло у меня в голове. Синклер мог быть совершенно безжалостным по отношению к людям, и мне, обеспокоенной судьбой этой неизвестной мне девушки, оставалось только надеяться, что он мог быть и сострадательным тоже.

Тут из холла донесся голос бабушки. Она звала меня:

– Джейн!

Я поспешно вставила фотографию обратно в рамку, поставила ее на туалетный столик и вышла на лестничный пролет.

– Да?

– Чем ты сегодня займешься?

Я спустилась до середины лестницы и присела на ступеньку.

– Хочу поехать за покупками. Мне нужно купить теплые вещи, или я умру от холода.

– Куда ты планируешь поехать?

– В Кейпл-Бридж.

– Дорогая, в Кейпл-Бридж ты ничего не купишь.

– Уверена, что свитер я найду...

– Я собираюсь в Инвернесс на заседание правления больницы... Почему бы тебе не поехать со мной?

– Потому что я отдала свои деньги Дэвиду Стюарту – он обещал обменять доллары, которые дал мне отец. И угостить меня ланчем.

– О, как мило... Но как же ты доберешься до Кейпл-Бридж?

– На автобусе. Миссис Ламли сказала мне, что он останавливается у дороги раз в час.

– Ну если ты уверена, что хочешь этого... – Бабушка, казалось, колебалась. Опершись одной рукой на нижнюю стойку лестничных перил, она сняла очки и внимательно посмотрела на меня из-под изогнутых бровей. – Ты выглядишь уставшей, Джейн. Вчера ты слишком утомилась. После такой долгой дороги тебе не стоило...

– Нет, совсем нет. Мне понравилось.

– Я должна была сказать Синклеру, чтобы он подождал день-другой...

– Но тогда мы могли пропустить такую чудесную погоду.

– Возможно, ты и права. Но я заметила, что за завтраком ты ничего не ела.

– Я никогда не ем за завтраком. Честно.

– Ну что ж, тогда Дэвид должен как следует накормить тебя... – Бабушка пошла было к двери, но тут вспомнила о чем-то и снова повернулась ко мне. – О, Джейн... Если ты поедешь за покупками, давай я дам тебе денег на новое пальто? Тебе в любом случае нужна какая-то верхняя одежда.

Несмотря ни на что, я улыбнулась. Бабушка была в своем репертуаре. Я лукаво спросила:

– А что не так с моим плащом?

– Если ты и правда хочешь знать... Ты выглядишь в нем как бродяжка.

– За все те десять лет, что я его ношу, мне никто еще не говорил ничего подобного.

– С каждым днем ты становишься все больше похожа на своего отца, – вздохнула бабушка и, не улыбнувшись моей жалкой шутке, отправилась к столу и выписала мне чек. На эту сумму я при желании могла бы купить пальто до пят на натуральном меху с капюшоном, отороченным соболем.

Под ослепительным солнечным светом я ждала автобуса, на котором должна была доехать до Кейпл-Бридж. Я не могла вспомнить, когда в последний раз был такой яркий, свежий, полный красок день. Ночью прошел небольшой дождь, поэтому все вокруг казалось чистым, только что вымытым, и в лужах отражалась синева неба. Изгороди пестрели пурпурными цветами шиповника и золотистым папоротником, а листья на деревьях переливались всеми оттенками осени – от темно-красного до сливочно-желтого. Ветерок, дувший с севера, казался холодным и сладким, как охлажденное вино, и немного кусачим, – наверное, где-то далеко на севере уже выпал первый снег.

Наконец из-за поворота выехал автобус. Он остановился рядом со мной, и я вошла в салон. Он был битком набит сельскими жителями, которые направлялись в Кейпл-Бридж за покупками, как делали каждую неделю по выходным. Единственное свободное место оставалось рядом с тучной женщиной с корзинкой на коленях. На ней была синяя фетровая шляпа, и она занимала чуть ли не оба места, так что мне пришлось приютиться на краешке сиденья, и всякий раз, когда автобус поворачивал, я рисковала упасть с него.

До Кейпл-Бридж было пять миль, и я знала дорогу, по которой мы ехали, так же хорошо, как и Элви. Я гуляла по ней пешком, каталась на велосипеде и смотрела по сторонам из окна автомобиля моей бабушки. Я знала имена людей, которые жили в домиках вдоль дороги... Миссис Дарджи, и миссис Томсон, и миссис Уилли Маккрей. А вот и дом со злобной собакой, и поле, где всегда паслось стадо белых коз.

Мы приблизились к реке и ехали вдоль нее примерно на протяжении полумили, а затем дорога совершала резкий S-образный изгиб и пересекала реку через узкий горбатый мостик.

До сих пор я не замечала никаких перемен, которые могли произойти за годы моего отсутствия, но когда автобус осторожно переезжал через мост, я увидела впереди нас дорожные работы и светофор и поняла, что эти грандиозные раскопки ведутся для того, чтобы убрать опасный поворот.

Везде стояли предупреждающие знаки. Изгороди были выкорчеваны бульдозерами, и остались гигантские шрамы на сырой земле; рабочие орудовали кирками и лопатами; громадные грузовики, наполненные землей, с грохотом ползли прочь, как доисторические монстры, а воздух наполнял чистый и приятный запах горячего гудрона.

Светофор горел красным. Автобус остановился, а когда свет сменился с красного на зеленый, покатился вниз по узкой дорожке, лавируя между предупреждающими знаками. Наконец мы снова вывернули на главную дорогу. Женщина, сидевшая рядом со мной, начала копаться в своей корзинке, проверяя ее содержимое, и поглядывать на багажную полку.

– Вам что-нибудь нужно? – спросила я ее.

– Посмотрите, мой зонтик, случайно, не наверху?

Я встала, достала зонтик и протянула его толстухе. За зонтом последовали большая картонная коробка с яйцами и пучок косматых астр, наспех завернутый в газету. К тому времени, как все это было найдено и подано, мы уже приехали на место назначения. Автобус совершил огромный поворот вокруг здания муниципалитета, въехал на рыночную площадь и замер.

Так как у меня с собой не было ни корзины, ни каких-либо иных вещей, я выскочила из автобуса одной из первых. Бабушка объяснила мне, как найти юридическую контору, где работал Дэвид, и с того места, где я стояла, я видела квадратное каменное здание, которое она мне описывала. Оно находилось прямо напротив меня, на противоположной стороне вымощенной камнем рыночной площади.

Подождав, пока проедут машины, я пересекла площадь и вошла в дверь конторы. Взглянув на табличку в приемной, я убедилась в том, что «мистер Д. Стюарт НА МЕСТЕ», то есть в кабинете номер 3. Я поднялась по темной лестнице, декорированной в болотно-зеленых и грязно-коричневых тонах, прошла под окном с витражными стеклами, которые совершенно не пропускали свет, и наконец постучала в заветную дверь.

– Войдите, – донеслось изнутри.

Я вошла и внутренне возликовала, увидев, что его кабинет, в отличие от лестницы и коридора, был светлый, яркий, с мягким ковром. Окно выходило на оживленную рыночную площадь, на мраморной каминной полке стояла ваза с новобельгийскими астрами. Даже на рабочем месте Дэвид умудрился создать жизнерадостную атмосферу. Он был одет – я полагаю, потому как была суббота, – в довольно яркую клетчатую рубашку и твидовый пиджак. Когда он поднял глаза и улыбнулся мне, тот невероятный груз, который лежал у меня на душе, внезапно показался не таким уж и тяжелым.

Дэвид поднялся мне навстречу.

– Чудесное утро! – воскликнула я.

– Да, правда! Даже слишком чудесное, а приходится работать.

– Вы всегда работаете по субботам?

– Иногда бывает... Все зависит от того, сколько нужно сделать. В будни все время кто-то звонит, поэтому очень сложно выполнить большой объем работы. – Дэвид открыл ящик своего письменного стола. – Я обменял деньги по нынешнему курсу... Сейчас, подождите, я записал...

– О, это не важно.

– Для вас это должно быть важно, Джейн; как же ваша шотландская кровь? Вы не должны успокаиваться, пока не убедитесь в том, что я не обманул вас ни на полпенса.

– Ну если и обманули, можете считать это комиссией за услугу. – Я протянула руку, и Дэвид вложил в нее стопку купюр и немного мелочи.

– Теперь вы можете позволить себе крупные траты; правда, я совершенно не понимаю, что вообще можно купить здесь, в Кейпл-Бридж.

Я убрала деньги в карман своего «бродяжьего» плаща.

– То же самое мне сказала бабушка. Она хотела взять меня с собой в Инвернесс, но я отказалась, объяснив это тем, что обедаю с вами.

– Вы любите бифштекс?

– Последний раз я ела бифштекс за ужином, который отец устроил в честь моего дня рождения. В Риф-Пойнте мы жили на замороженной пицце.

– О... Так сколько вам понадобится времени на покупки?

– Полчаса...

Дэвид искренне изумился:

– Всего-то?

– Я ненавижу шопинг, это мягко говоря. Ничто никогда не садится как надо, а то, что вроде бы подходит, мне не нравится... Я вернусь с кучей совершенно не подходящей мне одежды и в самом дурном настроении.

– А я заверю вас, что одежда чудесная, и постараюсь вернуть вам хорошее настроение, – улыбнулся Дэвид и взглянул на часы. – Полчаса... Скажем, в двенадцать? Здесь?

– Да, отлично.

Я вышла из его кабинета с полным карманом денег и стала искать, где их потратить. Тут были мясные магазины, бакалейные лавки, торговля играми, оружейная лавка и автосервис. Наконец между неизбежным итальянским кафе-мороженым, которое встречается во многих маленьких шотландских городках, и отделением почты я увидела вывеску: «МОДА Изабель Маккензи», или, точнее, «Изабель МОДА Маккензи». Войдя в стеклянную дверь, скромно задрапированную тюлем, я оказалась в маленькой комнате с полками, на которых громоздились угнетающего вида вещи. На прилавке под стеклом лежало нижнее белье персиковых и бежевых оттенков, и там и тут были искусно сложенные унылые полосатые пуловеры.

Сердце у меня упало, но, прежде чем я успела убежать, отдернулась занавеска в задней части магазина и ко мне вышла миниатюрная, похожая на мышку женщина в трикотажном костюме на два размера больше ее самой и с огромной кернгормской брошью.

– Доброе утро!

Я догадалась, что она родилась в Эдинбурге. Мне стало интересно, была ли это Изабель Мода Маккензи собственной персоной, и если так, то что вообще привело ее в Кейпл-Бридж. Вероятно, ей кто-то сказал, что торговля одеждой здесь процветает.

– О... Доброе утро. Я... Мне нужен свитер.

Не успела я произнести это слово, как поняла, что совершила ошибку.

– У нас есть изумительный трикотаж, – затараторила дама с режущим слух эдинбургским произношением. – Вы хотите шерсть или букле?

Я сказала, что хотела бы шерсть.

– А какой у вас размер?

Я ответила, что, вероятно, средний, М.

Дама тут же начала опустошать полки и забрасывать меня свитерами цвета увядшей розы, темно-зеленых и коричневых оттенков.

– А... У вас нет других цветов?

– А какой другой цвет вы имеете в виду?

– Ну, например, темно-синий?

– О, в этом году темно-синий совершенно непопулярен! – с упреком сказала мне Изабель Маккензи. («Откуда она вообще берет эту информацию? – подумала я. – У нее прямая связь с Парижем, не иначе».) – Посмотрите, вот чудесный оттенок...

Это был цвет морской волны, который, по-моему, не подходит ни к чему и никому.

– Я, правда, хотела что-нибудь попроще... Вы знаете, теплую и толстую вещь... Возможно, с высоким воротником?

– О, если вы о водолазках, то их у нас нет. Высокий ворот сейчас не в моде...

Я грубо оборвала ее, чувствуя, что меня охватывает отчаяние:

– Ладно, не важно, я не буду брать трикотажный свитер... Скажите, а юбки у вас есть? Все началось по новой.

– Вы хотите из шотландки или из твида?..

– Из твида, думаю...

– Какой у вас обхват талии?

Я сухо ответила. Возобновились поиски, на этот раз дама принялась искать на самой безнадежной с виду полке. Наконец она извлекла две юбки и величественным движением разложила их передо мной. Одна была неопишимо отвратительна. Другая показалась мне не настолько ужасной, коричневая с белым, в елочку. Я неохотно согласилась ее померить, дамочка втолкнула меня в закуток размером со шкаф, закрыла шторкой и предоставила самой себе. Не без затруднений я сняла с себя одежду, в которой была, и натянула юбку. Твид кололся и цеплялся к моим чулкам, как чертополох. Я застегнула крючки на талии и молнию и взглянула на себя в высокое зеркало. Вид у меня был жуткий. Твид сидел на мне зигзагом, как на абстрактной картине оп-арт. Мои бедра в этой юбке выглядели слоновыми, а пояс до боли врезался в мою тонкую талию.

Изабель Маккензи тактично покашляла и отодвинула занавеску жестом фокусника.

– О, вам очень идет, – тут же заявила она. – Вы просто созданы для твида.

– Вам не кажется, что она... ну... немного длинновата?

– В этом сезоне в моде более длинные юбки...

– Да, но эта практически закрывает колени...

– Если хотите, я могу укоротить ее немножко... Она очень хорошо смотрится... Нет ничего красивее, чем хороший твид...

Чтобы отделаться, я уже готова была купить эту юбку... Но напоследок еще раз взглянула в зеркало и приняла твердое решение:

– Нет. Нет, боюсь, что она действительно мне не подходит... Это не то, что я хотела.

Я расстегнула молнию и стащила с себя юбку, пока Изабель Маккензи не уговорила меня купить эту жуткую вещь. Женщина забрала ее с глубокой скорбью на лице, тактично отведя глаза от моего нижнего белья.

– Может, вы примерите ту, из шотландки? В таких мягких старинных тонах...

– Нет... – Я надела свою старую, купленную в Америке юбку из быстросохнущей ткани, и она показалась мне старым добрым другом. – Нет, я думаю, что не буду покупать юбку... Я просто хотела посмотреть... Спасибо большое.

Я надела плащ, взяла сумку, и вместе, бочком, мы направились к двери, задрапированной тюлем. Дама первой оказалась у выхода и открыла передо мной дверь так неохотно, будто выпускала из клетки ценного зверя.

– Может, в другой раз, когда будете проходить мимо...

– Да... Может быть...

– На следующей неделе к нам поступит новая коллекция.

Без сомнения, прямо от Диора.

– Спасибо... Извините за беспокойство... Хорошего вам дня.

Оказавшись наконец, слава богу, на улице, я повернулась и пошла прочь так быстро, как только могла. Я проскочила оружейную лавку, а затем под влиянием какого-то порыва развернулась, вошла в нее и через какие-нибудь две минуты уже купила большой темно-синий свитер, явно предназначенный для молодого мужчины. Испытав невыразимое облегчение от

того, что утро все же не пошло насмарку, я вернулась к Дэвиду с плотно упакованным свертком в руках.

Пока он складывал в стопку бумаги и запирали шкафы с документами, я сидела на его столе и рассказывала ему сагу о своем катастрофическом походе по магазинам. Приправленная его комментариями (у него отлично получалось изображать эдинбургский акцент), история обросла новыми подробностями. Я смеялась так, что у меня заболели ребра. Наконец мы взяли себя в руки, Дэвид положил кипу документов в свой и без того распухший портфель, в последний раз осмотрелся, а затем мы вышли из кабинета, и он закрыл дверь. Спустившись по мрачной лестнице, мы оказались на залитой солнцем оживленной улице.

Дэвид жил всего примерно в сотне ярдов от центра маленького городка, и мы довольно быстро преодолели эту короткую дистанцию пешком. Старенький портфель Дэвида все время хлопал и бился о его длинные ноги, и время от времени нам приходилось разделяться, чтобы обойти детскую коляску или парочку болтающих женщин. Наконец мы подошли к его дому. Это был один из ряда совершенно идентичных двухэтажных каменных домиков, каждый из которых стоял на отдельном участке земли, со скромным заборчиком, отделяющим его от улицы, и гравийной дорожкой от калитки до входной двери. Дом Дэвида отличался от других только тем, что у него был гараж, встроенный в промежуток между его домом и соседним, с бетонной подъездной дорожкой. И еще Дэвид выкрасил свою входную дверь в яркий, солнечно-желтый цвет.

Он открыл калитку, и я пошла за ним по гравийной дорожке к дому. Он открыл дверь и посторонился, пропуская меня вперед. Я увидела узкий коридор, лестницу наверх, двери справа и слева и открытую дверь в задней части дома, за которой, судя по всему, находилась кухня. Все было довольно обычно, однако Дэвид – или кто-то другой – придал обстановке уют и очарование во многом благодаря ковровому покрытию и обоям с узором из зеленых листьев, а также удачно расположенным репродукциям на стенах.

Дэвид забрал у меня из рук сверток со свитером и плащ и положил все это вместе со своим портфелем на стул в коридоре, а затем провел меня в длинную гостиную с окнами в каждом конце. И только тогда я оценила уникальное расположение этого незатейливого с виду маленького домика: окно, расположенное в большой нише и выходящее на юг, смотрело на длинный узкий садик, отлого спускавшийся к реке.

Обстановка комнаты превзошла все мои ожидания. Шкафы с книгами, стопка музыкальных пластинок, журналы на низком столике перед камином. В ней были также мягкие кресла и маленький диванчик, старомодная горка с мейсенским фарфором, а над каминной полкой... Я подошла посмотреть.

– Бен Николсон?

Дэвид кивнул.

– Это же не оригинал? – спросила я.

– Оригиналы. Мама подарила мне его на двадцать первый день рождения.

– Все здесь напоминает мне о лондонской квартире вашей мамы... Атмосфера такая же...

– Вероятно, так и есть, потому что мебель мы брали из одного дома. И разумеется, мама помогала мне выбрать занавески, обои, ну и так далее.

Втайне обрадовавшись, что это была его мать, а не кто-то другой, я подошла к окну.

– Кто бы мог подумать, что у вас такой чудесный сад!

Я увидела маленькую террасу с деревянным столом и стульями, а за ней лужайку, усыпанную опавшими листьями, клумбы с поздними розами и фиолетовыми новобельгийскими астрами. Также я заметила купальню для птиц и старую, склонившуюся к земле яблоню.

– Вы сами ухаживаете за садом?

– Сложно назвать это садом... Как видите, он не очень большой.

– Но тут даже есть река...

– Это-то и сыграло свою роль при выборе дома. Я рассказываю всем своим друзьям, что ловлю рыбу в Кейпле, и они приходят в восторг. Но я не говорю им, что это местечко в каких-нибудь десять ярдов...

На верхней полке книжного шкафа стояли фотографии и моментальные снимки, куда меня тянуло как магнитом.

– Это ваша мама? И отец? И вы сами?.. – Мой взгляд упал на мальчика лет двенадцати с очаровательной улыбкой. – Это вы?

– Да, я.

– Тогда вы не носили очков.

– Я не носил их до шестнадцати лет.

– А почему начали?

– Несчастный случай. Мы играли в «зайца и собак» в школе, парень, бежавший впереди меня, задел ветку, и она отскочила мне прямо в глаз. Это была не его вина, такое могло случиться с каждым. Но я частично ослеп на этот глаз и с тех пор всегда ношу очки.

– О боже, какой кошмар!

– Да я бы не сказал... Это не мешает мне заниматься тем, что мне нравится... Вот только в теннис я не могу играть.

– А почему не можете?

– Я не совсем понимаю почему, но если я и вижу мяч, то не могу по нему попасть, а если попадаю, то не вижу. Так что игрой это не назовешь.

Мы прошли в кухню, которая была маленькой, как камбуз на яхте, и такой чистой, что я почувствовала стыд, вспомнив о собственном доме. Дэвид заглянул в духовку, где оставил запеченную картошку, а затем нашел сковородку и достал из холодильника заляпанный кровью сверток, в котором оказались два толстых куска абердин-ангусской говядины.

– Вы приготовите или я? – спросил он.

– Лучше вы... А я накрою на стол или еще что-нибудь. – Я открыла дверь, которая вела на террасу, где было не по сезону жарко. – Мы можем поесть снаружи? Тут как на побережье Средиземного моря.

– Конечно, если хотите.

– Тут просто рай... Мы сядем за этим столом?

То и дело попадаясь Дэвиду под руку и спрашивая, где все лежит, я наконец накрыла на стол. Пока я делала это, он нарезал салат, развернул хрустящий французский батон и достал из холодильника маленькие блюдца с заиндевелым маслом. Когда все приготовления были закончены и бифштексы тихо шипели на сковородке, он налил два бокала хереса, и мы вышли на солнце.

Дэвид сбросил пиджак и откинулся на спинку стула, вытянув перед собой длинные ноги и подставив лицо солнечным лучам.

– Расскажите мне про вчера, – вдруг попросил он.

– Про вчера?

– Ну да. Вы же собирались в Лейриг-Гру, – он искоса взглянул на меня, – или нет?

– О! Да-да, мы там были.

– И как все прошло?

Я задумалась, что ответить на этот вопрос, и поняла, что толком ничего не помню, за исключением странного разговора с Синклером.

– Было... Неплохо. Замечательно, правда.

– Звучит не слишком убедительно.

– Ну, это правда было замечательно. – Я не могла придумать никакого другого слова.

– Но утомительно, наверное?

– Да, я очень устала.

– И долго вы там пробыли?

И вновь я почти ничего не могла вспомнить.

– Ну, мы вернулись еще до темноты. Гибсон встретил нас у Лох-Морлих...

– Хм, – протянул Дэвид, казалось задумавшись над моими словами. – А чем сегодня занимается Синклер?

Я наклонилась и, подняв с земли камешек, стала подбрасывать его и ловить тыльной стороной ладони.

– Он уехал в Лондон.

– В Лондон? Я думал, он взял отпуск.

– Да, взял. – Я уронила камешек и нагнулась за другим. – Но ему кто-то позвонил вчера ночью... Не знаю, в чем там дело... Бабушка нашла записку, когда утром спустилась завтракать.

– Он уехал на машине?

Я вспомнила тигриный рев «лотуса», разрывающий ночную тишину.

– Да, на машине. – Я уронила и второй камешек. – Он вернется через день или два. Возможно, в понедельник вечером, как он написал. – Мне не хотелось говорить о Синклере. Я боялась вопросов Дэвида. Поэтому предприняла неуклюжую попытку сменить тему. – Так вы правда ловите здесь рыбу? Я бы и не подумала, что там достаточно места, чтобы забросить удочку... Леска может запутаться в ветвях яблони...

Так разговор переключился на рыбалку. Я рассказала Дэvidу о реке Клируотер в Айдахо, куда мы с отцом однажды поехали в выходные.

– ... Там полно лосося... Его можно ловить практически голыми руками...

– Вам нравится в Америке, да?

– Да. Да, нравится.

Дэвид замолчал, нежась на солнце, и, воодушевленная его молчанием, я стала говорить о дилемме, в которой неизбежно оказывалась.

– Это довольно странно – принадлежать к двум разным странам. Кажется, что ни в одну толком не вписываешься. Когда я была в Калифорнии, я вечно хотела вернуться в Элви. Но сейчас, когда я в Элви...

– Вы скучаете по Калифорнии.

– Не совсем. Но есть вещи, которых мне не хватает.

– Например?

– Ну, из личных, важных для меня вещей... Отца, конечно же. И Расти. И шума Тихого океана поздно вечером, когда волны набегают на берег.

– А из мелочей?

– Это более сложный вопрос. – Я попыталась понять, чего мне действительно не хватает. – Воды со льдом. Телефонной компании «Белл». Сан-Франциско. И центрального отопления. И садовых магазинов, где можно купить растения и все такое и где пахнет флёрдоранжем. – Я повернулась к Дэvidу. Он не сводил с меня глаз. Наши взгляды встретились, и он улыбнулся. Я добавила: – Но здесь тоже много хорошего.

– Что же именно?

– Почта, например. Можно купить все в местном почтовом отделении, даже марки. И то, что погода никогда не бывает одинаковой два дня подряд. Так ведь намного интереснее. И чай во второй половине дня, с лепешками, бисквитами и мягкими имбирными пряниками...

– Вы тонко намекаете на то, что пора приняться за бифштексы?

– Это случайно получилось, – улыбнулась я.

– Ну, если мы протянем еще немного, они станут несъедобными.

Обед был чудесным, обстоятельства – идеальными. Дэвид даже открыл бутылку вина, красного и очень терпкого, которое идеально дополняло мясо, как и хрустящий белый хлеб.

Трапезу довершали сыр, бисквиты и ваза со свежими фруктами, увенчанными гроздьё белого винограда. Я обнаружила, что ужасно проголодалась, и, съев невероятно много, вытерла тарелку толстой белой корочкой, а затем очистила апельсин. Он оказался таким сочным, что сок капал с пальцев. Закончив есть, Дэвид пошел в дом приготовить кофе.

– Мы будем пить его снаружи? – спросил он через открытую дверь.

– Да, давайте там внизу, у реки. – Я тоже отправилась в дом, чтобы вымыть липкие руки под краном.

– В комод в коридоре есть плед, – сказал мне Дэвид. – Возьмите его и располагайтесь на берегу, а я принесу кофе.

– А как же грязная посуда?

– Оставьте... Сегодня слишком хороший день, чтобы портить его возней над раковиной.

Это замечание показалось мне до боли родным – примерно так выразился бы мой отец. Я отыскала плед, вынесла его на улицу и, спустившись по отлогому газону, расстелила на залитой солнцем траве почти у самой воды. После долгого сухого лета уровень воды в Кейпле был невысоким, а от лужайки реку с ее бурым потоком отделял миниатюрный пляж, покрытый галькой.

Яблоня клонилась к земле под весом спелых плодов, и трава под ней была усыпана упавшими яблоками. Я подошла к дереву и потрясла его, и еще несколько яблок мягко приземлились на траву. Под листвой была прохладная тень и очень приятно пахло – чем-то прелым и сладким, как в старых сараях. Я прислонилась спиной к стволу и сквозь кружево ветвей стала смотреть на озаренную солнцем реку.

Умиротворенная этим видом, а также хорошим обедом и приятной компанией, я воспрянула духом и сказала себе, что сейчас самый подходящий момент быть взрослой и отбросить все свои скрытые и безотчетные страхи. Не позволять же им и дальше копошиться где-то в подсознании и то и дело напоминать о себе, как больной зуб, или отзываться спазмом в животе.

Мне стоило реалистично отнестись к Синклеру. Ни к чему предполагать, что он не возьмет на себя ответственность за ребенка, которого ждала Тесса Фарадей. Вернувшись в Элви в понедельник, Синклер, вероятно, заявит нам, что собирается жениться. Бабушка очень обрадуется (ведь эта девушка казалась ей очаровательной), и я буду тоже рада и никогда ни словом не обмолвлюсь о том телефонном разговоре, который нечаянно услышала.

А что касается Гибсона, то он действительно постарел – к чему это отрицать? – и вероятно, всем будет лучше, если его отправят в отставку. Но если ему и в самом деле придется покинуть свой пост, тогда бабушка и Синклер, конечно же, найдут для старика маленький домик, вероятно с садом, где он сможет выращивать овощи и заведет несколько кур, а значит, останется при деле и будет счастлив.

А я... Со мной труднее. Хотела бы я знать, почему Синклер затронул вопрос о нашем браке. Возможно, это показалось ему забавным и он таким образом решил занять те полчаса, пока мы отдыхали. Такое объяснение я готова была принять, но его поцелуй не показался мне ни братским, ни легкомысленным... Само воспоминание о нем вызывало у меня дискомфорт, и именно из-за этого я пребывала в таком замешательстве. Вероятно, Синклер сделал это намеренно, чтобы вывести меня из равновесия. Он всегда был любителем пошалить. Вероятно, он просто хотел проверить мою реакцию...

– Джейн.

– А?

Я повернулась и увидела Дэвида Стюарта, который стоял перед яблоней на солнце и смотрел на меня. За ним на траве рядом с пледом я увидела кофейный поднос и тут же поняла, что он окликал меня и прежде, но я не слышала. Дэвид, пригнув голову, нырнул под низкие ветви дерева и, опершись на ствол рукой, встал рядом со мной.

– Что-то не так? – спросил он.

- Почему вы спрашиваете?
- Вы выглядите встревоженной. И очень бледной.
- Я всегда бледная.
- И встревоженная?
- Я не говорила этого.
- Что-то... случилось вчера?
- Что вы имеете в виду?
- Просто я заметил, с какой неохотой вы говорили на эту тему.
- Ничего не случилось...

Мне хотелось уйти, но его рука была как раз над моим плечом, и мне пришлось бы пролезать под ней. Дэвид склонил голову набок и посмотрел на меня немного искоса, и под этим уже знакомым мне пронизательным взглядом мои лицо и шея стали заливаться краской.

– Вы как-то сказали мне, – мягко проговорил он, – что когда вы лжете, то краснеете. Что-то все-таки не так...

- Нет. Все в порядке...
- Если бы вы захотели сказать мне, вы бы сказали, не так ли? Вероятно, я смог бы помочь. Я подумала о девушке в Лондоне и о Гибсоне... И о себе, и страхи снова наводнили душу.
- Никто не может помочь. Никто ничего не может сделать.

Он не стал настаивать. Мы вышли на солнце, и я вдруг поняла, как замерзла. Мое тело покрылось гусиной кожей. Я села на теплый плед и стала пить кофе, а Дэвид дал мне сигарету, чтобы отгонять мошек. Через некоторое время я опустила голову на плед и растянулась под солнцем. Я чувствовала себя уставшей, а вино поддействовало на меня усыпляюще. Я закрыла глаза, слушая шум реки, и вдруг заснула.

Проснувшись я где-то через час. Дэвид лежал примерно в ярде от меня, опираясь на локоть и читая газету. Я потянулась и зевнула, и он поднял глаза.

- Это случилось уже во второй раз, – сказала я.
- Что именно?
- Я проснулась и увидела вас.
- Я все равно уже собирался будить вас. Пора отвезти вас домой.
- Сколько сейчас времени?
- Половина четвертого.

Я сонно уставилась на него, а потом спросила:

– Вы зайдете в Элви на чай? Бабушка была бы вам очень рада.

– Я бы зашел, но мне нужно съездить проведать одного старика, который живет в богом забытой глуши, буквально на краю света. Время от времени он начинает тревожиться относительно своего завещания, и тогда я еду и успокаиваю его.

– Это похоже на шотландскую погоду, правда?

– Что вы имеете в виду?

– Одну неделю вы в Нью-Йорке занимаетесь бог знает чем. На следующей отправляетесь в какую-нибудь глухомань, чтобы успокоить взбалмошного старика. Вам, вообще, нравится быть провинциальным юристом?

– Да, по правде сказать, нравится.

– Вы так вписываетесь во все это... Будто провели здесь всю свою жизнь. И ваш дом, и все это... И сад. Все так гармонично, словно создано специально для вас.

– Вы тоже просто созданы для...

Я наострила уши, ожидая, что Дэвид разовьет эту тему, но он, казалось, раздумал продолжать, поднялся, собрал кофейные приборы и газету и понес все в дом. Когда он вернулся, я все еще лежала, глядя на реку. Он встал надо мной, взял меня под руки и поставил на ноги. Я повернулась и оказалась в его объятиях.

– Это, кажется, тоже уже было.

– Только тогда, – заметил Дэвид, – ваше лицо распухло и покраснело от слез, а сегодня...

– Что – сегодня?

Он рассмеялся:

– Сегодня у вас появилось еще десятков шесть новых веснушек. А в волосах застряли сухие яблоневые листья и трава.

Мы поехали в Элви. Верх машины был опущен, и мои волосы разметались по лицу. Дэвид нашел старый шелковый шарф в бардачке, дал его мне, и я повязала им голову.

Когда мы подъехали к участку, на котором велись дорожные работы, светофор горел красным, поэтому мы остановились и смиренно ждали. За нами колонной выстраивались другие машины.

– Не могу избавиться от чувства, – вдруг сказал Дэвид, – что, вместо того чтобы выпрямлять этот участок дороги, было бы гораздо лучше снести мост и построить на его месте новый... Или сделать что-нибудь с тем чудовищным поворотом на другой стороне реки.

– Но этот мост такой очаровательный...

– Он опасен, Джейн.

– Но об этом же всем известно. Все переезжают его на скорости одной мили в час.

– Не всем об этом известно, – глухо поправил меня Дэвид. – Летом каждый второй, кто проезжает в этих краях, – турист.

Светофор загорелся зеленым, и мы двинулись вперед мимо громадного знака с надписью: «Уклон». Я улыбнулась и сказала:

– Дэвид, вы нарушаете правила.

– Почему?

– Знак предписывал уклониться, а вы этого не сделали.

Повисла долгая пауза, и я подумала: «О боже, опять! Почему мне вечно кажется, что я сказала что-то смешное, а другой человек так не считает?»

– Я не знаю, как это, – наконец произнес он.

– То есть вас никогда этому не учили?

– Моя мать была бедной вдовой. Она не могла оплатить мои уроки.

– Но все должны уметь уклоняться, это же одна из общественных добродетелей.

– Ну, – ответил Дэвид, пуская машину через горбатый мост, – ради вас я поставлю себе задачу научиться. – С этими словами он нажал на педаль газа и с ветерком домчал меня до Элви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.